

АЛЕКСАНДР ЦИПКО

ПЕРЕСТРОЙКА

КАК РУССКИЙ

ПРОЕКТ

A thick, red, metallic chain is shown in a state of being broken. Several links are detached and floating in the air, while the main chain is visible at the bottom left and top right. The chain has a distinct pattern of horizontal stripes, resembling the flag of the Soviet Union. The background is a faded, grayscale image of a large, multi-story building with a gabled roof and many windows, typical of Soviet architecture.

**СОВЕТСКИЙ СТРОЙ
У ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
В ИЗГНАНИИ**

Александр Сергеевич Ципко Перестройка как русский проект. Советский строй у отечественных мыслителей в изгнании

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18174196

Александр Ципко. Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя: Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0861-1

Аннотация

Ципко Александр Сергеевич принял активное участие в разработке идеологии перестройки. Автор книги попытался ввести анализ идейных истоков перестройки в контекст нынешних споров о существовании особой русской общинной цивилизации. В отличие от нынешних неославянофилов, он связывает русский культурный код не с уравнительными настроениями беднейшего крестьянства или с революционными страстями Степана Разина, а с основополагающими гуманистическими ценностями великой русской культуры XIX века и русской религиозной философии начала XX века. При оценке исторического значения демонтажа политических

основ советской системы, совершенного Горбачевым во время перестройки, автор книги исходил из того, что все те, кто прославил русскую общественную мысль, кого принято называть русскими гениями, восприняли ленинский Октябрь как национальную катастрофу, а большевистский эксперимент – как насилие над русской душой.

Содержание

Вместо введения	6
§ 1. О главном празднике моей жизни	6
§ 2. В «русской цивилизации» не нашлось место Горбачеву	20
§ 3. РПЦ встала на путь оправдания русского коммунизма	33
§ 4. О природе и причинах морального кризиса в современной России	43
§ 5. Вопросы, которые ждут ответа	50
Часть первая	86
Глава I	86
§ 1. Политика «гласности» как праздник «Правды-истины» по-русски	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Александр Ципко

Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя

*Посвящаю книгу моим родителям – отцу Дзегузе
Сергею Леонидовичу и матери Ципко Людмиле
Еремеевне*

© Ципко А. С., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Вместо введения

Перестройка Горбачева и спор об особой русской цивилизации

§ 1. О главном празднике моей жизни

Десять лет назад, когда я заканчивал работу над первым вариантом этой книги, у нее было совсем другое название. Тогда я всего лишь пытался рассказать о переломной половине девятого десятилетия русского XX века как о чуде освобождения от советского тоталитаризма, о чуде, которого еще в начале 80-х никто не мог предсказать.

Ведь со всех точек зрения перестройка Горбачева была событием всемирно-исторического значения. В эти годы окончился начатый в 1917 году уникальный эксперимент по переделке всей природы человека, по уничтожению всех оснований человеческой цивилизации: частной собственности, частного интереса, разделению на классы, демократии, религии и религиозных чувств и т. д. И поэтому, само собой, казалось важным рассказать, как это произошло, какие идеи, человеческие мотивы, ценности стояли за этим чудом, переломным событием в истории человечества. Мне еще недавно казалось самоочевидным, что свободы, которые

принесла перестройка Горбачева, которых были лишены советские люди на протяжении десятилетий, и прежде всего право «жить не по лжи», право говорить вслух все, что ты думаешь, право увидеть собственными глазами мир, семьдесят лет закрытый от тебя железным занавесом, свобода совести, свобода предпринимательства, все те блага демократии, которые посыпались на нас в конце 80-х как из рога изобилия, – право прочитать все, что было написано нашими национальными гениями, гениями русской общественной мысли, и прежде всего о гражданской войне, – должны восприниматься нормальными людьми как праздничные дары, как источник радости.

Как мог я, на протяжении десятилетий будучи невыездным, не радоваться тому, что наконец на 47 году жизни я сажусь в самолет, вылетающий из Шереметьево во Франкфурт-на-Майне? Чудо. Еще пять лет назад я этого не ожидал. На протяжении всей советской истории многие, очень многие и, как правило, самые талантливые и одаренные советские, русские люди всю свою жизнь мечтали об этом, о том, что наша страна наконец-то освободится от всех советских противоестественных запретов, от поразительной скуки и ложности всего, на чем держалась советская идеология. Но они так и уходили в мир иной со словами «а советский маразм все крепчает и крепчает». И единственной радостью в их жизни оставалось прочитать полученную от друзей перепечатку «Размышлений о русской революции» Николая

Бердяева, «Котлован» Андрея Платонова или еще лучше – самиздатовский текст сборника «Из-под глыб». Мой друг и наставник Володя Кокашинский в 1978 году, зная, что он умирает от рака, во время нашей последней встречи подарил мне как раз запретную книжечку «Из-под глыб». Она до сих пор хранится у меня на полке книжного шкафа, где собраны самые ценные и важные для меня тексты. Рядом с «Вехами».

А здесь, когда еще перед глазами стоит на мавзолее Константин Устинович Черненко как олицетворение дряхлости и беспросветности всего нашего советского бытия, уже Горбачев, следующий Генеральный секретарь, говорит о гласности, говорит нормальным человеческим языком, говорит о нормальных человеческих чувствах. И самое поразительное, ошеломляющее, о чем я уже сказал, – доступность всего, что десятилетиями было под запретом.

Еще десять лет назад талантливая, красивая Ирина Балакина, сотрудница Института философии АН СССР, кончает жизнь самоубийством, не соглашаясь с запретом на публикацию своей книги, самой главной ее книги – книги о Николае Бердяеве. А тут, уже в первые годы перестройки, начинается издание не только все же страдавшего «левизной» Николая Бердяева, а всех без исключения творцов русской религиозной философии начала XX века. Издательство «Правда» печатает еще в 1990 году «Истоки и смысл русского коммунизма» Николая Бердяева, становятся доступными «Несвоевременные мысли» Максима Горького, «Окаянные дни» Ива-

на Бунина, «Дневники 1917–1919 годов» Владимира Короленко, Петербургские дневники 1914–1919 годов Зинаиды Гиппиус и т. д. Наконец-то, спустя семьдесят лет, соединились русские века, дореволюционная русская общественная мысль пришла в кончающую свою жизнь советскую Россию. Как тогда казалось, навсегда оканчивалась эпоха тупой советской образованщины.

Становилась зримой вся страшная правда о том, что на протяжении семидесяти лет мы называли «Великой Октябрьской революцией». Чудо? Конечно, чудо. И никто, абсолютно никто из тех, кто уже не мог жить по лжи, кто призывал не жить по лжи, не верил, что это чудо, распад советской, созданной Лениным и Сталиным системы, возможно. Погруженный целиком и без остатка в русскую историю Александр Солженицын, чем он отличался от многих диссидентов, всего за одиннадцать лет до начала перестройки готовит к изданию библию антисоветского сопротивления, самиздатовский сборник «Из-под глыб», пишет для него три статьи. Но ни в одной из них нет не только предчувствия, но даже намека на предчувствие, что уже через пятнадцать лет его основной враг умрет, умрет сам по себе, без всякой серьезной на то причины. Напротив, Александр Солженицын осуждает советскую оппозиционную интеллигенцию, что она плывет по течению, ждет «этой свободы... как внезапного чуда, которое без наших усилий вдруг выпадет

нам...»¹ А как выясняется, все же чудо бывает.

Еще за десять лет до переломных 1988–1989 годов, когда основные скрепы советской системы разрушились, никто ни в СССР, ни в мире не верил, что все это будет возможным, что в один день без какого-либо насилия в СССР исчезнет и цензура, и политический сыск, и будет восстановлено право на эмиграцию, и будет покончено с государственным атеизмом, и будет покончено с монополией КПСС на правду. Еще в середине 70-х сажали в тюрьму за статью, опубликованную в самиздате, за статьи, рассказы, повествующие всего лишь о печальных итогах социалистического обобществления русского села, выгоняли из партии с «волчьим билетом» за участие в обсуждении на квартире Лена Карпинского статьи ортодоксального марксиста Отто Лациса о переломном XVII съезде РКП(б). А всего лишь через четырнадцать лет уже не только не сажали, но и не выгоняли из аппарата ЦК КПСС за статьи, легально опубликованные статьи в советских журналах о марксистских истоках сталинских репрессий.

Между историей разгрома в 1974 году редколлегии журнала «Молодой коммунист» за создание кружка для изучения работ «творческих марксистов», к примеру, работ Отто Лациса по истории партии, и публикацией моих статей в «Науке и жизни» под заголовком «Истоки сталинизма», где я открыто критиковал исходный аморализм марксистского учения о революционном терроризме, прошло всего четыр-

¹ Из-под глыб. Сборник статей. – М., УМКА-PRESS. – 1974. – С. 233.

надцать лет. Но тогда, весной 1974 года, выслушивая рассказы Игоря Клямкина и Володи Глотова о суточном допросе без перерыва в КГБ, в кабинете Филиппа Денисовича Бобкова, я и мысли не мог допустить, что уже совсем скоро не будет ни всемогущего Филиппа Денисовича, ни КГБ, что можно будет вслух говорить о преступлениях большевиков, об организованном ими истреблении образованной, мыслящей и, самое главное, православной по культуре России. Казалось, что в духовном отношении произошла полная и окончательная революция, более точно – контрреволюция, что белые с опозданием на семьдесят лет все-таки взяли Москву, и ожившие колокола уже первых возрожденных за время перестройки церквей об этом напоминают в субботу по утрам своим громким звоном. Что-то подобное я писал в это время в своих статьях в «Московских новостях». Появилась возможность использовать моральный подход, моральные оценки не только при анализе сталинской эпохи, что было возможно уже при Хрущеве, но постепенно, уже к концу перестройки, при анализе всей советской истории, появилась возможность говорить о непомерной человеческой цене и победы большевиков и, самое главное, о человеческой цене сталинской социалистической индустриализации.

Все, чего ожидала советская интеллигенция десятилетия и в возможность чего никто не верил, свершилось как-то само собой, без крови, вообще без какого-либо напряжения. Все блага свободы пришли к нашей интеллигенции как манна

небесная. Поистине, как манна небесная. Не забывайте! Даже организаторы ГКЧП не намеревались отменить политические свободы. И это было и есть *чудо*. И в этом есть какая-то ирония истории. Ленин, который до последнего момента не верил в победу большевиков, назвал свою победу в октябре 1917 года чудом. Но, как оказалось, таким же чудом, неожиданным, непредсказуемым событием явился распад коммунистической системы сначала в странах Восточной Европы, а потом уже и в СССР.

Но уже в конце 90-х стало видно – то, что является чудом для моего, уже старшего поколения и для тех, кто шел по лестнице политического опыта за нами, не является чем-то сверхъестественным для поколений новой России. Им, детям эпохи компьютерных игр, уже не интересно то, что составляет смысл для нас, для тех, кто десятки лет прожил с этим ожиданием хоть каких-то перемен, хоть каких-то послаблений советской системы. И тут, конечно, ничего не поделаешь.

Наверное, они в этом не виновны. Во всех бывших социалистических странах Восточной Европы узники совести, борцы с советским тоталитаризмом стали не только героями, но и лидерами новых, постсоциалистических наций. Примером тому судьба Гавела, Леха Валенсы. У нас о тех, кто просидел молодость во Владимирском центре, никто ничего не знает. Герои антикоммунистического сопротивления, которые рождались в недрах православной церкви, как прави-

ло погибали в тюрьмах, они до сих пор мало кому известны. *Странная особенность нашей якобы антикоммунистической революции состоит в том, что в стране не было и нет никакого интереса к судьбе наших узников совести, кто сознательно совершал подвиг сопротивления коммунистической системе.* У нас сегодня не любят вспоминать об оборотной, теневой стороне советского образа жизни. У нас до сих пор нет памятников жертвам ленинского террора против православной церкви, жертвам сталинского голодомора, сталинских репрессий. Практически ничего. Даже РПЦ, ее иерархи в своих публичных выступлениях не вспоминают о мучениях православных священников, которые остались верны России, своей церкви и как герои шли на смерть. Им, этим мученикам, жертвам борьбы с богоборческой властью, не ставят памятники, в их честь не называют улицы.

И это грустно. Грустно не потому, что опыт сопротивления советскому тоталитаризму не имеет ценности для новой России. Грустно не потому, что наши поступки, наши скромные подвиги, наши усилия сделать страну свободной не имеют ценности в новой России. Ждать в России благодарности вообще смешно – тем более, когда к власти пришло поколение, не совершающее поступки, когда началась эпоха нормальных карьер. Слава богу, что мы, «дети революции», уцелели. Грустно потому, что на самом деле на забвении ближайшего прошлого ничего серьезного построить невозможно. Без знания о муках несвободы невозможно по достоин-

ству оценить ценность самой свободы. Никогда не сможешь осознать сущность национального интереса, когда у тебя нет не только ощущения национальной истории, исторической памяти, но и интереса к тому, что было до твоей нынешней спокойной и все же свободной жизни.

Всеми этими, как мне казалось, нормальными мотивами я и руководствовался, работая над первым вариантом своего рассказа о перестройке, об ее идейных истоках. Но пока я шаг за шагом описывал идейные истоки, предысторию перестройки, создавал тексты об исканиях шестидесятников, литераторов-почвенников, идейная ситуация в стране менялась коренным образом. Если еще в 90-е и в начале нулевых подавляющая часть интеллигенции (при всем негативном отношении к Горбачеву как к личности) воспринимала перемены конца 80-х – начала 90-х со знаком плюс, то уже к середине нулевых по крайней мере среди так называемых «государственников» росло и ширилось негативное отношение к перестройке. Конечно, и во время перестройки просоветская, прокоммунистическая интеллигенция негативно относилась к Горбачеву как к разрушителю советской системы, «могущественного советского государства». Но тогда те, кто поддерживал Нину Андрееву, автора статьи «Не могу поступиться принципами», опубликованной в «Советской России» 13 марта 1988 года, среди интеллигенции составляли ничтожное меньшинство, что и позволило Горбачеву обуздать протест части партийного аппарата против начавшихся

демократических перемен. Но сегодня, напротив, позитивное отношение к советской системе в целом становится доминирующим. Сегодня многие, позабыв о Нине Андреевой и ее статье, вошедшей в истории советской общественной мысли, тем не менее повторяют ее слова о том, что «без государства диктатуры пролетариата нам сегодня и *перестраивать-то* было бы нечего».

Рефреном всех нынешних разговоров и воспоминаний о советском прошлом являются слова о том, что как бы советский строй не был плох, мы сегодня проедаем то, что создали во времена СССР. И при этом само собой подразумевается, что по-другому, не по-сталински, без жертв и репрессий той эпохи Россия никогда бы не решила задачи индустриализации, не вошла бы в ряд «наиболее развитых стран того времени».

До сих пор живы, воспроизводятся стереотипы советского сознания, марксистско-ленинского восприятия русского XX века как чего-то изначально предопределенного, где все происходило так, как должно было происходить, где не было никакой альтернативы ни ленинскому Октябрю, ни красному и белому террору, ни ужасам сталинской коллективизации, ни репрессиям конца 30-х, ни позору 1991 года. Поразительно, что в советское время советские люди, подавляющая часть советской интеллигенции все же строила в своем сознании хотя бы мифологические альтернативы тому, что было. Примером тому – очень характерное для шестидесятников убеж-

дение, что Сталин «изменил демократическим идеалам Октября», «извратил сущность марксизма», что если бы в 1929 году победил Бухарин, то мы построили бы другой, более человеческий социализм. И создавалась в сознании советской интеллигенции эта конструкция не столько для того, чтобы еще раз возвеличить Ленина, сколько для того, чтобы иметь основание, оставаясь в рамках государственной идеологии, все же сохранить за собой право на моральную оценку хотя бы сталинского этапа советской истории, иметь моральное право осудить очевидные преступления сталинской эпохи, к примеру, насильственную коллективизацию, репрессии против середняков, и самое главное, осудить репрессии 1937–1938 годов.

Кстати, начинал строительство этой идеологической концепции, которая давала бы возможность, «не поступаясь принципами марксизма-ленинизма», все же осудить преступления Сталина, Хрущев своим докладом о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Само по себе сочетание «культ личности» несло в себе допущение, что может быть Генеральный секретарь КПСС без возвеличивания и своей роли в истории, и своей личности. На самом деле реабилитация так называемой общечеловеческой морали, отказ от классового подхода к оценке исторических событий произошел уже тогда, в 1956 году, в тот момент, когда Хрущев читал свой доклад о культе личности Сталина.

Сегодня, в начале 2014 года, когда я уже в третий раз пи-

шу введение к своей книге, альтернативный подход к советской истории, дающий возможность не только осудить преступления власти, но и просто сохранить в себе чувство совести, сострадания, не только не развивается, а откровенно осуждается даже деятелями культуры, кино. Несколько минут назад новый руководитель нашей телевизионной Академии настаивал, что нам нужны сериалы, рисующие положительный образ Сталина, что судить о его деяниях надо не с позиции нынешней «гуманистической эпохи», а исходя из тех представлений о добре и зле, которые были характерны для его эпохи, для эпохи социалистического строительства.

И этот на первый взгляд вполне интеллигентный деятель нашего современного телевидения не чувствует, что, настаивая на относительности морали и представлении о добре и зле, он отрицает не только гуманистические основания современной европейской (в своей основе христианской) культуры, но и вообще человеческую культуру, человеческую цивилизацию. Этот деятель культуры не понимает, что в рамках его философии нет места для нюрнбергского процесса и для осуждения всех без исключений преступлений против человечности, совершенных в XX веке.

И мне везет. В этот же день, 27 января 2014 года, на этом же телеканале Михаил Леонтьев, который в последнее время воспринимается, наряду с Александром Прохановым, как идеолог новой путинской эпохи, заявил, что история как наука несовместима с моралью, с моральной оценкой истори-

ческих деятелей, что в учебнике по истории СССР нет места для моральных суждений о советской эпохе. И это показательно для идеологической ситуации в современной России. Фаталистическое отношение к советской истории соединяется с отрывом морали от государственничества, и в результате российский патриотизм отрывается от морали, возникает разрыв между государственническими чувствами и моральными.

И самое поразительное что не только далекие от политики и философских размышлений люди, но и нынешняя интеллигенция не чувствует, что за ее фатализмом, убеждением, к примеру, что без «голодомора», без гибели шести миллионов людей мы бы не построили Днепрогэс, стоит духовное поражение, признание того, что мы ненормальная, неполноценная нация. Ведь финны, к которым в царской России относились снисходительно, называли «чухонцами», без всяких расправ и ГУЛАГов смогли стать одной из самых развитых стран мира. А русские, получается, обязательно, прежде чем построить «Уралмаш», должны были уничтожить на корню крепкого русского крестьянина, основу русской нации.

В рамках вводной главы у меня нет возможности подробно описывать негативные последствия убеждения нынешних новых русских патриотов типа Михаила Леонтьева и Александра Проханова, в том, что история и мораль несовместимы. К примеру, тот же Александр Проханов не осознает, что марксизм и марксистская историческая наука при всей

своей претензии на научность, основывается все же на моральном осуждении эксплуатации человека человеком как чего-то несправедливого, несовместимого с идеалом равенства.

§ 2. В «русской цивилизации» не нашлось место Горбачеву

Все эти примеры из нынешних дебатов о том, что должно быть и чего не должно быть в едином учебнике о русском XX веке, мне понадобились только для того, чтобы объяснить причины угасания в современной России позитивного отношения к победам демократии, которые связаны с именем Горбачева. Перестройка, политика гласности стала враждебна нынешним патриотам и нынешним государственным, ибо ее фундаментом, напротив, было возрождение, кстати, характерное для великой русской литературы и русской религиозной философии, нравственного подхода к советской истории и к советской системе, напоминающего о самоценности человеческой жизни, о ценности свободы. Перестройка стала враждебна многим нынешним патриотам, ибо для нее было характерно то, с чем они воюют, т. е. доведение до логического конца нравственного осуждения преступлений сталинизма, начало которому положил XX съезд КПСС. Кстати, по этой причине в нынешних ура-патриотических текстах негативное отношение к Горбачеву соседствует с негативным отношением к Хрущеву. Даже скромный гуманизм Никиты Хрущева, его желание улучшить быт советского человека, многими идеологами патриотизма вне морали воспринимается крайне негативно, как подрыв со-

ветской морали соблазнами сытости.

И достигается эта негация, дискредитация перестройки, как чего-то изначально враждебного и русской душе и русской истории, за счет выведения всего, что лежало в основе перестройки, всех ценностей эпохи гласности, за рамки так называемого русского культурного кода. Из русскости враги перестройки выкорчевывают все, что было дорого Горбачеву, и ценность свободы, и ценность человеческой жизни, и права личности, и счастье полнокровной жизни. И в основу этого концептуального осуждения перестройки как чего-то изначально враждебного русской нации берется учение Николая Данилевского об особой русской цивилизации, якобы во всем противоположной западной.

И за нынешним осуждением перестройки как попытки дать новую жизнь всем тем ценностям, которые каленым железом выжигались из советского сознания и советского образа жизни, стоит уже целая философия. Если в советское время ценности христианской, общечеловеческой морали, ценности гуманизма, ценность человеческой жизни, ценности свободы, религиозной терпимости, ценность права, частной собственности приносились в жертву учения о классовой борьбе и классовой морали, то сегодня ценности гуманизма уже приносятся в жертву так называемому учению об особой, русской, во всем противоположной Западу цивилизации. И получается, что, если ты хочешь быть русским, то ты должен забыть и о свободе, и о своих правах, и о простом

человеческом достатке и т. д. Русскость у нас сегодня, о чем дальше, жестко связывается с требованиями мобилизационной экономики в стране, окруженной железным занавесом.

По сути, считает Сергей Кара-Мурза, родоначальником советского, большевистского проекта был не Карл Маркс, а Н. Я. Данилевский, который как раз впервые в развернутой форме описал черты русского культурного кода, отличающий русскую цивилизацию от западной.² Из чего якобы следует, что перестройка Горбачева, демократические реформы и, самое главное, ставка на рыночные реформы были изменой не столько идеалам коммунизма, сколько национальным русским идеалам, идеалу общинности.

Если общинность и солидарность, убеждение, что человек человеку брат, является выражением русского культурного кода, настаивает Сергей Кара-Мурза, то перестройка со своей политикой гласности была не только демонтажем советской системы, а «демонтажем народа». «Удар, – пишет он, – был нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек – носитель русской культуры XX века, *человек советский*».³ Вот и весь сказ.

И, честно говоря, мне очень помогла в осмыслении произошедшего в последние годы переворота в сознании посткоммунистической России как раз упомянутая выше, вышедшая в издательстве «Алгоритм» в 2013 году книга Сер-

² Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 34–35.

³ Там же. С. 265–266.

гея Кара-Мурзы «Крах СССР». Обращает на себя внимание, что эта книга была издана как труд Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, возглавляемого руководителем Фонда Андрея Первозванного Владимиром Якуниным. И, наверное, не случайно учение об особой русской цивилизации в интерпретации указанного центра, научным руководителем которого как раз и является историк Сергей Кара-Мурза, стало официальной доктриной Всемирного русского народного собора. Все дело в том, что Фонд Андрея Первозванного, руководимый Владимиром Якуниным, является как раз организационной структурой Всемирного русского народного собора. В результате учение об особой русской коммунистической цивилизации из особого мнения группы ученых превратилось в идеологию русского народа.

Конечно, за идеализацией и даже сакрализацией «советского строя», стоящего за негативным отношением многих россиян к Горбачеву и к его перестройке стоят и объективные причины. Утрата советского бедного, относительного, но все же *равенства*, вызывает духовный дискомфорт, вызывает, с одной стороны, негативное отношение к Горбачеву, разрушившему «советский строй», а, с другой стороны, веру в то, что действительно равная бедность составляет сущность русскости. Отсюда, наверное, и благодатная почва для пропаганды учения об особой русской «нестыжательской» цивилизации. И при этом утрачивается всякий интерес и

к объективным причинам перестройки, и, самое главное, к причинам гибели «советского строя».

И совсем не случайно учение об особой русской коллективистской цивилизации все чаще связывается с психологией заговоров, поиском явных и скрытых врагов «русскости» и «русского народа». Настроения психопатии окрашивают, как правило, все разговоры об особой русской цивилизации.

Никого сейчас в России не интересуют ни объективные причины (и прежде всего экономические), которые заставили Горбачева искать пути совершенствования «построенного в боях социализма», ни идейный и политический кризис, в котором оказалась мировая социалистическая система в середине 80-х, в момент прихода Горбачева к власти, и который заставил по крайней мере часть партийной номенклатуры думать о путях приспособления сложившейся политической системы к новым идейным реалиям. В результате все беды нынешней, уже постсоветской эпохи в сознании многих людей, даже далеких от политики, связываются прежде всего с Горбачевым, который якобы по своей злой воле, а некоторые говорят, что и за деньги, лишил русского человека советского рая, когда якобы «люди во что-то верили и у них были идеалы».

Если еще недавно Горбачева критиковали за непрофессионализм при проведении реформ, за поспешность, за дефицит воли в борьбе с противниками перестройки, то сейчас, как я уже говорил, его обвиняют в национальной измене, в

том, что он посягнул не просто на основы советской системы, а на саму русскую нацию, на ее мечту, на русский культурный код, который якобы и был воплощен в жизнь большевиками, был воплощен в советской системе. Можно было только пожимать плечами, когда в прошлом даже от талантливых российских литераторов приходилось слышать, что я, «Ципко, работал на масона», что якобы Горбачев «с молодых лет состоял в одной масонской ложе с Маргарет Тэтчер, через тайных агентов с ней общался, пока наконец в 1984 году не встретился с ней с глазу на глаз и пообещал, если придет к власти, то разрушит СССР». Некоторые молодые священники, ссылаясь на историка Фурсова, совсем недавно рассказывали мне, что дело все-таки не в Маргарет Тэтчер, а в кавказской мафии, которая якобы еще во времена Ставрополя, когда он был Первым секретарем крайкома, «имела на него компромат и дергала его за веревочки, когда ей это было нужно». Впрочем, и в претендующих на научность работах, к примеру, в упомянутой выше книге Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР» говорится, что субъектам перестройки, народу с «частью номенклатуры и прозападной интеллигенцией» был и «преступный мир».

И надо признать, что после появления книги Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР» спор о причинах и сущности перестройки стал спором о природе русскости, о природе того, что Сергей Кара-Мурза называет «русским культурным кодом». Все дело в том, настаивает Сергей Кара-Мурза, что

Ленин с его политикой коммунизации России на самом деле пытался воплотить в жизнь не марксистский проект, а русскую народную мечту, мечту об обществе полного равенства, где человек человеку брат, где не будет «свободного рынка», «конкуренции», «свободного индивида». ⁴ Народ России, настаивает Кара-Мурза, всегда мечтал о «жизни без разделения на избранных и отверженных», мечтал о том строе, где на «хищников будут надеты намордники» ⁵

Кстати, обращает на себя внимание, что Сергей Кара-Мурза, настаивающий на непримиримости русских и западных ценностей, постоянно восстает против «заемных западных ценностей», строит свою теорию, согласно которой советский строй был не воплощением марксистского проекта, а воплощением русской крестьянской мечты, на основе, как видно из текста его книги, воззрений близкого ему по взглядам западного, итальянского марксиста Антонио Грамши. Практически все интерпретации большевистской революции и последующего социалистического строительства в СССР, строятся в книге Сергея Кара-Мурзы на утверждении А. Грамши, что ленинский Октябрь – «это революция против «Капитала» Карла Маркса. «Капитал» Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма

⁴ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 30–33.

⁵ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 37.

и утверждения цивилизации западного типа. Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна следовать канонам исторического материализма. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось»⁶

Ленин, настаивает Кара-Мурза, на самом деле руководствовался не марксистским учением о пролетарской революции, а требованиями «русского культурного кода», основными ценностями особой русской антибуржуазной, антизападной цивилизации. Русский человек, русский крестьянин, как общинник, отличается от западного человека, настаивает Сергей Кара-Мурза, не только тем, что он является противником обособленности, «атомизации человека от человека», что он чувствует себя полноценным существом только тогда, когда он «включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива)», но и тем, что он, в отличие от западного бюргера, «не любит сытости».⁷ Реализацией этой русской народной мечты, где не было сытости, считает Кара-Мурза, как раз и был созданный Сталиным советский строй.

И самое главное. Советский строй, настаивает Кара-Мурза, возникший в результате сталинских коллективизации

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 36.

и индустриализации, не только соответствовал традициям российской крестьянской общины, мечте русского крестьянина о «жизни без разделения на избранных и отверженных»,⁸ мечте о полном равенстве, мечте об обществе, где «один за всех, все за одного»,⁹ *но и был результатом его свободного, самостоятельного выбора*. Более того. Сергей Кара-Мурза настаивает, что не только сталинская коллективизация и индустриализация были результатом свободного выбора, но и даже культ личности Сталина.¹⁰ Якобы Сталина, большевиков любили за то, что они создали строй, в котором на «хищников были надеты намордники»,¹¹ который создавался на основе «принципов сотрудничества и солидарности».¹² Согласно концепции Сергея Кара-Мурзы «Советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры».¹³ И именно по этой причине, настаивает Сергей Кара-Мурза, советский строй был не только результатом «духовного порыва народов России», но и результатом выбора большинства, представляющего абсолютно все классы дореволюционной России. «Развитие капитализма в России побудило

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 69.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 11.

крестьянство, — пишет он, — и значительную часть других условий искать антикапиталистический проект будущего». ¹⁴ Более того. Сергей Кара-Мурза настаивает на том, что даже половина «состава Генерального штаба» дореволюционной царской армии «пошла именно за большевиками», ибо ей были *чужды* ценности Западной Европы, ибо они «отвергли западнический либерально-буржуазный проект», по которому Россия жила после революции 1905–1907 годов. Вообще, если верить Сергею Кара-Мурзе, «в целом большинство населения России подошло к 1917 году охваченное великим преобразованием мифа через революцию». ¹⁵ Что же касается крестьян, оказавшихся в окопах Первой мировой войны, то они, как настаивает Сергей Кара-Мурза, все эти годы «обдумывали проект» некапиталистического будущего. ¹⁶

Из чего следует, наставляет Сергей Кара-Мурза, что Горбачев со своей перестройкой нанес «смертельный удар» не только по советской системе, но и по «русскости». В соответствии с этой логикой русскость, традиционную святую Русь убили не большевики, а перестройщики, своеобразный союз «части номенклатуры» с прозападной интеллигенцией и с «частью преступного мира». ¹⁷ Все эти люди, пишет Сергей Кара-Мурза, оказались в роли «тифозной вши», которая

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 51.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 11.

убила СССР как «сильного и красивого человека».¹⁸

Речь в данном случае, как было сказано выше, идет не просто о частном мнении ученого, но о целом направлении в современной российской общественной мысли, которое использует наследие позднего славянофильства и прежде всего учение Николая Данилевского об особой русской цивилизации (правда, у Данилевского речь шла об особой «славянской цивилизации») для дискредитации и перестройки Горбачева, и цивилизационного прозападного, рыночного выбора посткоммунистической России. Хотя, если более точно, они, новые идеологи учения об особой русской цивилизации, выступают против попыток посткоммунистической России реставрировать те экономические рыночные отношения, которые на самом деле существовали в России до 1917 года. Упомянутый выше Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, созданный по инициативе В. И. Якунина, на протяжении последнего времени издал целый ряд работ, где предпринята попытка доказать, что действительно сталинская организация труда, возникшая в результате коллективизации и индустриализации, которая превращает работника, в том числе и бывшего свободного крестьянина, в винтик одной государственной машины, соответствовала русской национальной психологии и русскому национальному коду. Советская жизнь при минимальном достатке соответствовала, как утверждают ав-

¹⁸ Там же. С. 11.

торы этих работ, русской традиции, которая «выдвигала этическим идеалом нестяжательский образ жизни, существование на минимуме удовлетворения материальных благ». ¹⁹ Далее, в соответствии с этой логикой, советская коллективистская организация труда соответствовала нашей национальной традиции, нашему культурному коду, ибо «этическая традиция России предлагала коллективные формы трудовой деятельности. Труд воспринимался в качестве проявления государственного строительства. Нетрудовые люди оценивались в качестве антигосударственного элемента и государственным делом считалось принуждение их к труду». ²⁰ В общем, если верить авторам цитируемой мной работы, все в России *всегда* было как в советское время, якобы всегда все работали не на себя, не на свою семью, а на государство.

Все это говорит о том, что сегодня в контексте современной идеологической борьбы споры о перестройке уже превращаются в споры о русском национальном характере, о сущности русскости. Если верить тому, что говорят о русскости и Сергей Кара-Мурза, и ведущие исследователи Центра проблемного анализа, все, с чем Горбачев связывал совершенствование социализма, – и рост личной заинтересованности в результатах своего труда, и рост личной инициативы, раскрепощение личности, и оживление чувства соб-

¹⁹ В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. М., Научный эксперт, 2008. С. 15.

²⁰ Там же. С. 15.

ственности – было чуждо нашему коллективистскому национальному характеру.

Отсюда и главная исследовательская задача, возникающая сейчас при оценке перестройки и стоящих за ней ценностей. *Имеют ли отношение к русскости, к русской духовной культуре все те мотивы, которые побудили Горбачева продолжить начатое еще Хрущевым очищение от сталинщины, а именно – восстановить историческую правду, вернуть советскому человеку все главные ценности, произведения русской культуры, русской общественной мысли, которые были запрещены в СССР, предоставить народу самому право через свободные выборы формировать высшую власть, отменить цензуру, политический сыск, разрушить железный занавес, открыть советскому человеку современный мир, его культуру и т. д. Или русскость – это советская, сталинская однопартийная система, мобилизационная экономика, система государственнического крепостничества, жесткого прикрепления человека не только к государству, но – для крестьян – и к земле, система принуждения к единомыслию и т. д.*

§ 3. РПЦ встала на путь оправдания русского коммунизма

Этот спор о русскости, на мой взгляд, все же носил сугубо частный, сугубо научный характер до тех пор, пока в него не включилось руководство РПЦ, претендующее на выработку идеологии, общей для всей православной – прежде всего русской в этническом отношении – России. Спор о русскости приобрел всерусское значение тогда, когда руководство РПЦ в лице патриарха Кирилла на XVII Всемирном русском народном соборе в ноябре 2013 года заявило о своей солидарности с учением об особой нестяжательской, коллективистской русской цивилизации. «Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю?» – задал себе вопрос в начале выступления на последнем заседании Собора патриарх Кирилл. И ответил: «На наш взгляд, ответ может быть только положительным». И далее патриарх Кирилл изложил свое понимание природы нашей русской цивилизационной особенности, в главном совпадающее с той трактовкой русскости, которая содержится в упомянутой книге Сергея Кара-Мурзы. «Если в современном мире преобладает модель конфликта, – настаивает патриарх, – то нашим идеалом, напротив, является солидарность общества, общество социальной симфонии, где разные слои и группы..., разные

участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соратниками. И конкуренция в таком солидарном обществе поощряется как соревновательность, но не как борьба за выживание». Более того, патриарх Кирилл здесь же заявил, что своими ценностями солидарности мы «определяем путь человечеству на решающих исторических перекрестках». В результате получается, что совсем не случайно эксперимент по воплощению в жизнь идеалов коммунизма впервые в истории человечества начался в России. Уникальный эксперимент, как считает Патриарх Кирилл, начался на благодатной почве уникальной русской цивилизации. И получается, что даже у Патриарха свойственное русским чувство национального достоинства используется для реабилитации «советского строя» и всего, что с ним было связано.

Кстати, для окончательного выяснения отношений руководства РПЦ к учению об особой русской, солидарной, коллективистской концепции, я написал и опубликовал на страницах «Независимой газеты» 17 декабря 2013 года статью под названием «Нужен ли Бог особой русской цивилизации», где напрямую обращал внимание Патриарха на те политические и идеологические выводы, которые следуют из его заявления, что русский человек не приемлет частную собственность и экономическую конкуренцию, что ему ближе, более по душе, симфония интересов. «Ведь на самом деле нельзя не видеть, — писал я, — что попытки связать приро-

ду русскости с солидарным коллективным трудом неизбежно ведут к оправданию и ленинского Октября, и всего последующего опыта строительства социализма в СССР. Если, как говорит патриарх Кирилл, русским идеалом является «солидарное общество», если, как говорит патриарх Кирилл, мы предпочитаем конкуренции и борьбе за выживание «соревновательность», то тогда советский колхозный строй и стахановское движение были ни чем иным, как реализацией русской мечты. Если действительно, как считает Патриарх Кирилл, мы, русские, своими ценностями «социальной симфонии» определили «путь человечества на решающих исторических перекрестках», то тогда правы те, кто называет ленинский Октябрь «великой революцией». Но тогда если и Октябрь, и советское социалистическое соревнование, и наша советская колхозная система, где нет конкуренции, а все работают на общие цели, есть выражение нашей русской особенности, то надо признать, что русские православные священники, которые остались верны святыне, мужественно защищали православие, шли на расстрел, не только не совершили подвиг, а были заклятыми врагами самобытности русского народа. Неужели не видно, к каким аморальным последствиям приводит учение об особой русской, солидарной, коллективистской цивилизации. Да, православная идея коллективного спасения была близка русскому народу, но не было ничего более противного русскому крестьянству, чем «огульный» коллективистский труд».

Так вот — и это уже несомненно исторический факт — «Независимая газета» получила официальный ответ на мою статью от руководства РПЦ в виде статьи председателя Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества и заместителя Главы Всемирного русского народного Собора протоиерея Всеволода Чаплина и руководителя Экспертного центра ВРНС Александра Борисовича Рудакова, которую они опубликовали на своих страницах 21 января 2014 года под названием «О Боге, человеке и цивилизации. России нужно единство “правого” и “левого”. Ответ Александру Ципко», где был дан положительный ответ на все мои вопросы.

Самое главное. Данные авторы от имени Всемирного русского народного Собора и РПЦ утверждают, что действительно советская система времен Великой Отечественной войны и после нее, *несмотря на противодействие такому возвращению со стороны Хрущева и Горбачева, «вернулась к себе», «к своей модели общества»*. Данные авторы от имени ВСНС и РПЦ утверждают, что «столь нелюбимые господином Ципко колхозы, при всех ужасах коллективизации, не были бы приняты людьми, если бы их идея не отражала христианского идеала». И самое главное, авторы этой статьи утверждают, что не человек, его права и свободы, а «ценности и убеждения» стоят не только твоей жизни, но и чужой, если против этих ценностей совершается агрессия». И получается, что не только сталинские колхозы соответствуют

русскому культурному коду, но и произведенная большевиками экспроприация собственности крестьян сначала в ходе продразверстки, а потом уже в ходе коллективизации.

По сути вся эта статья как раз и является подтверждением отмеченного мной выше факта, что сегодня в России происходит реабилитация советского строя, советской политической и экономической системы как реализация русского культурного кода, идеалов русской цивилизации. По сути сегодня иерархи РПЦ придают уже религиозную легитимность всем тем постулатам и прокоммунистическим идеям, которые еще шесть – семь лет назад были частным мнением упомянутых выше экспертов Центра проблемного анализа, руководимого В. И. Якуниным.

Главное, что имеет сегодня важное политическое и идеологическое значение, состоит в утверждении, что русскому человеку больше всего по душе труд монастырской общины, «когда главное – не столько материальный результат, сколько поддержание братского духа, победа над праздностью, забота о ближнем, то есть результат духовный», и что, как настаивают и протоиерей Всеволод Чаплин, и Александр Рудаков, что именно этот идеал был воплощен в сталинских колхозах.

Главное, что важно для меня в рамках исследования о идеологических и духовных истоках перестройки, что согласно этой концепции русскости, взятой сегодня на вооружение и РПЦ, это утверждение, что все, что было в советской истории после Сталина, начиная с Хрущева и кончая

Горбачевым, было подрывом основ русскости путем провозглашения курса на сытость.

Иерархи и эксперты РПЦ сегодня просто повторяют мысли и идеи, которые на протяжении многих лет развивает один из главных участников семинаров Центра проблемного анализа, заместитель директора Института прикладной математики им В. В. Келдыша РАН Г. Г. Малинецкий, который тоже считает, что все беды советской России начались с «хрущевской оттепели», якобы приведшей к «приземлению» традиционных для России и русского человека «высоких смыслов и ценностей», характерных для советского общества. Все по той же, сегодня уже православной логике, Г. Г. Малинецкий настаивает, что если для русского человека идеалом является «нестяжательство», то нет для него более приемлемой организации труда, чем сталинская, чем те же сталинские колхозы, где ничего не платили за трудодни, где все работали на идею строительства социализма, где люди жили не настоящим, а будущим, не личным, а общим. И отсюда, из идеи особой русской цивилизации, откровенная политика, призыв возродить созданную Сталиным якобы единственно возможную в России «монастырскую организацию труда», когда каждый работает не на себя, а на общее благо, на общую цель.

Все это серьезно. За негативным отношением к перестройке как якобы «западническим проектом» стоит не просто реабилитация всех откровенных преступлений стали-

низма против человечности, но и призыв вернуться к «советскому строю» без сытости. *Никогда за всю свою историю идея особой русской коллективистской, антисобственнической цивилизации не работала так откровенно на идею насилия, на идею крепостничества, как сегодня.* Речь идет о желании некоторых экспертов левого толка уже сегодня превратить всю страну с ее многомиллионным населением в монастырь, где все будут работать во имя «духовных идеалов», о желании снова, как в 30-е, превратить Россию в «страну, идущую в будущее», в страну, где «духовное» всегда было выше материального, а «общее выше личного», где «справедливость выше закона», где «будущее важнее настоящего и прошлого». Кстати, на примере анализируемого мной текста Г. Г. Малинецкого видно, что сталиномания, соединяющая большевистскую мобилизационную экономику с русской идеей, живет сегодня не только ностальгией об утраченном сталинском рае, но и вполне прагматическими политическими интересами.

Политическая пристрастность проявляется в выводах доклада Г. Г. Малинецкого, в его предложении лишить власти всю нынешнюю элиту сверху донизу. Речь идет о полной замене «субъекта» политики, о новой «революции сверху» в жестком варианте – опричнине Ивана Грозного, переориентация с боярства на дворянство Петра I, о новом выдвижении сталинских наркомов. Г. Г. Малинецкий не исключает и более мягкий вариант смены субъекта власти по примеру

Ататюрка. Но все же на первом месте в этом проекте спасения России выходит вариант новой опричнины. В соответствии с этой логикой российской избранности мы должны отказаться и от своей европейскости, и от стратегии интеграции в западную цивилизацию даже на правах суверенного, независимого государства.

Не могу не обратить внимание, что сегодня, когда я работаю над введением к книге, в условиях ура-патриотической эйфории по поводу присоединения Крыма к РФ, возникла благодатная почва не только для полной и окончательной реабилитации сталинской мобилизационной экономики, но и для реанимации, введения в жизнь ее несущей основы, т. е. чрезвычайных законов.

И самое важное, что необходимо учитывать при оценке нынешней ситуации, что и названные иерархи РПЦ делают подобные политические и экономические выводы из принятого ими на вооружение учения об особой русской, монастырской цивилизации. И протоиерей Всеволод Чаплин, и руководитель Экспертного центра русского Собора считают, что наше возвращение «к своей модели общества», к СССР времен Великой Отечественной войны и окончание сталинской эпохи, то есть к мобилизационной экономике, было бы желательным. Действительно, если, как считают нынешние руководители РПЦ, главный смысл христианина состоит в способности противостоять соблазнам обогащения, тем более быстрого обогащения, то тогда действительно надо воз-

вращаться к советским колхозам, к советской экономике, где подобная возможность была в принципе исключена.

Я не собираюсь во введении к книге приступать к развернутой полемике со всей этой философией русскости, на которую опирается осуждение Хрущева и Горбачева за «приземление» русского человека к благам свободы и сытости, но не могу не сказать, что за ироническим отношением прежде всего протоиерея Чаплина к моим антиколхозным настроениям стоит что-то не просто советское, но и фанатическое. Как известно, в советское время только среди самых отъявленных догматиков от марксизма находились певцы колхозной жизни. Если уж доводить до логического конца позицию РПЦ по отношению к русскости, изложенную в ответе на мою статью «Нужен ли Бог особой русской цивилизации», то, наверное, надо было признать, что еще больше, чем колхозы времен Сталина, православным идеалам русскости, как их трактуют упомянутые авторы, соответствует Гулаг. Здесь монастырь в чистом виде, ибо нет ни частного дома, ни самого семейного приусадебного участка, то есть всего того, что осталось от частно-собственнической жизни даже при Сталине. Здесь минимум благ доведен до критической точки зрения, то есть до голода.

Неужели протоиерею Чаплину не страшно говорить о сталинском СССР как о реализации «своей» русской модели! Ведь картина Гулага времен Беломорканала, Волгодона, канала Москва – Волга абсолютно соответствует тому обра-

зу русскости, который нам рисуют сегодня идеологи учения об особой русской «нестяжательской» и «коллективистской» цивилизации. Там минимум материальных благ был доведен до идеала, до голода, до смерти от голода. Но ведь рядом со всеми этими воплощениями идеи монастырского труда, первенцами индустриализации всегда были горы трупов. И не только в годы печально известного голодомора, с которого начинается эпоха «поразивших в свое время мир темпов советской индустриализации, но и после войны, в начале эпохи продвижения идеалов социализма в страны Восточной Европы. «Голод 1946 года продолжал трагедию голодомора 1933 года, – вспоминает Капто, секретарь ЦК компартии Украины по идеологии. – Умершие лежали у забора, у опустевшего магазина, просто во дворе. Многие высохли настолько, что тела, казалось, хватало только для заедавших вшей, другие опухли до неузнаваемости».²¹

²¹ Цит. по: «МК», 13.05.2013. С. 3.

§ 4. О природе и причинах морального кризиса в современной России

Все это подтверждает мои опасения, связанные с нынешней модой на учение давно забытого Николая Данилевского об особой русской коллективистской, противостоящей Западу цивилизации. Попытки построить новое русское самосознание на учении об особой русской цивилизации только углубляет и без того глубокий нынешний моральный кризис. Я не вижу, как можно сочетать призыв Патриарха Кирилла, священнослужителя, отличать противоположность добра и зла с его защитой нашего опыта строительства солидарного, коллективистского общества. Чего стоит только утверждение авторов ответа на мою статью в «НГ» о том, что хватит «говорить об ошибках и грехах» нашего XX века, хватит заниматься «бесполезным самобичеванием, формирующим комплекс аутсайдера, комплекс ущербности и неполноценности». Из этого следует, что не нужна моральная, христианская оценка преступлений большевизма. И это позиция РПЦ!

Конечно, слава богу, что нет ни условий, ни субъекта, который бы всерьез стремился снова реализовать на практике марксистскую, сталинскую мобилизационную организацию

труда, воссоздать в России заново жизнь и труд на *минимуме* материальных благ. В том-то и драма нынешнего момента в российской истории. Даже если Запад всерьез начнет окружать Россию санкциями в ответ на присоединение Крыма, и возникнет объективная необходимость воссоздания монастырского труда, о котором мечтают идеологи Владимира Якунина, то реанимировать советскую систему и внедрить в сознание нынешних русских ценности и дух мобилизационной экономики не удастся. Мало кто из нынешних русских людей сможет работать на будущее, а не на настоящее, на ближних, но не на себя. Россия просто сломается от подобных попыток воссоздать в стране казарменный образ жизни. Второй раз войти в одну и ту же реку коммунизма в принципе невозможно.

Меньше всего готовы к такой жизни идеологи особой русской цивилизации. Понятно, что идеология особой русской цивилизации используется в данном случае даже не столько для идеологических, сколько для психотерапевтических ценностей, для укрепления ценности России в глазах ее граждан. Но нельзя не видеть, что обществу в данном случае навязывается идеология куда более аморальная, чем советская идеология времен СССР. Все же марксистская идеология не покушалась на ценность достатка, сытой жизни. Она просто говорила, что это будет только в коммунистическом завтра, когда блага жизни «полюются полным потоком». А тут полуголодное существование человека по образ-

цу сталинской эпохи, по образцу, как у Всеволода Чаплина, военной и послевоенной эпохи выдается за моральный идеал. Марксистская идеология не покушалась, по крайней мере в идеале, и на индивидуальный, обособленный труд. Просто она опять связывала подобный способ индивидуального творческого труда с научно-технической революцией. А тут сегодня пропагандисты особой русской цивилизации жестко навязывают русскому человеку труд в коллективе и обязательно во имя государственных, общих целей. Все же марксисты были сторонниками отмирания государства. А тут, по логике монастырской организации труда, невозможна никакая русскость без организации труда в государственном масштабе, без труда во имя какой-то идеальной цели.

И получается, что сегодня уже невозможно защитить перестройку, ее гуманистические ценности, мотивы, не защищая одновременно русскость от попыток связать ее с рабским, подневольным трудом и с полуголодным существованием. *Отсюда и возникла у меня новая задача посмотреть на историю, предысторию перестройки, ее идеологию в контексте нынешнего спора о природе русскости, показать, что все ценности, которые стоят за демократизацией СССР в конце 80-х – начале 90-х, были и являются, напротив, как раз выражением «русского культурного кода», ценностей русской культуры. Отсюда и задача доказать, что все же культурный код надо связать с национальной культурой, с ее ценностями, а не с инстинктами беднейшего кре-*

стьянства, как это делает, к примеру, Сергей Кара-Мурза. Я попытаюсь показать в своей книге, что идеология абсолютного равенства, характерная для народных низов, была присуща практически всем арийским народам.

Ситуация серьезная, ибо, в соответствии с той философией, которую от имени РПЦ изложил Всеволод Чаплин, в понятие «русскость» не входят ни ценность человеческой жизни, ни ценность материального благополучия, ни ценность свободы, ни личный успех, ни ценность человеческого достоинства, ни ценность частной собственности, ни свобода вероисповедания. Сталинская эпоха, которую славят авторы статьи «О боге, человеке и цивилизации», все же была эпохой государственного атеизма.

За негативным отношением подавляющей части уже бывшей советской интеллигенции к Сталину и его методам строительства социализма (и в этом, в отношении к сталинским репрессиям, не было различий между откровенными антикоммунистами и ленинцами-шестидесятниками) стояло растущее сознание самоценности человеческой жизни, ценности свободы, прав личности, часто инстинктивное преодоление классовой морали, отвращение к насилию. За негативным отношением подавляющей части советской интеллигенции к Сталину и к сталинским репрессиям, к сталинской эпохе в целом, стояло осознание того, что все, построенное на насилии, на запретах, непрочное, зыбкое, что, к примеру, нет будущего у мировой социалистической системы, которая

зависит от прочности железного занавеса, от прочности Берлинской стены. За отторжением от Гулага, от того, что Хрущев назвал «культом личности Сталина», стояло чувство сопереживания к мукам его жертв, восприятие гибели ни в чем не повинных людей как величайшей несправедливости, которая не должна повториться. Мы не задумывались о «цивилизационном» происхождении наших чувств. Мы руководствовались простым моральным инстинктом человечности, тем, что Горбачев в своем докладе на XXVI съезде КПСС назвал «общечеловеческой моралью».

А сейчас все эти чувства, просто моральные инстинкты, которые стояли у значительной части советской интеллигенции, у значительной части советских людей за отторжением от всех откровенных уродств сталинской эпохи, от бесконечных репрессий, от полуголодного существования, от системы тотального доноительства, от всего того, что умерло вместе со Сталиным, подвергаются целенаправленной дискредитации. По логике Всеволода Чаплина, если ты не ценишь организацию жизни советских людей в военное и послевоенное время, если ты, как я, критически относишься к колхозной системе, то ты не русский и не православный человек.

В советские времена нас учили ценить и любить советский строй за то, что он был воплощением идеалов коммунизма. *Сейчас же, и в этом главная причина перемен, происходящих сейчас в официальной идеологии современной Рос-*

сии, советский строй трактуется уже не столько как воплощение в жизнь марксистского, коммунистического проекта, а как воплощение в жизнь русской национальной идентичности, воплощение в жизнь «русского проекта». Поэтому получается, если ты патриот, если ты русский человек, то ты просто обязан полюбить этот советский строй.

Главное, на мой взгляд, преступление нынешних идеологов особой русской цивилизации в том, что они сознательно выводят ценности гуманизма, конечно, европейского гуманизма, за рамки русского культурного кода. Сегодня все то, что было доминирующим в сознании советской, антисталинской интеллигенции, в сознании тех, кто, как я, жаждал свободы, права жить не по лжи, не только отошло на второй план, но якобы стало несовместимо с подлинным патриотизмом, с подлинной русскостью. Все дело в том, что сегодня в глазах большей части патриотической интеллигенции ценность советского строя стала значительно выше той, какую ему приписывала официальная советская идеология до распада СССР.

Кстати, на мой взгляд, наиболее выпукло и последовательно антигуманистическая сущность учения об особой нестяжательской русской цивилизации, которое неизбежно ведет к реабилитации сталинизма, проявилась именно в упомянутой выше книге Сергея Кара-Мурзы. Основную причину распада «советской системы» он связывает с тем, что после смерти Сталина советский человек перестал жить на мини-

муме материальных благ и начал жить более «сыто». И в результате, как убежден Сергей Кара-Мурза, «советский строй оказался неподготовлен к “сытой” жизни – тут он сразу породил элиту, вожделевшую буржуазной собственности и образа жизни. СССР оказался беспомощным против внутреннего врага, вскормленного холодной войной и избыточным патернализмом своего государства. Не странно ли: никто не вспоминает сбывшееся пророчество И. Сталина. На языке марксизма он сказал: по мере развития социализма классовая борьба будет нарастать! А ведь в переводе на русский язык это было важное предупреждение. Смысл его таков: в советском строе есть глубокий изъян, и как только настанет сытая жизнь, в обществе появится сила, которая постарается этот строй уничтожить».²² В этих нескольких фразах, на мой взгляд, со всей полнотой и откровенностью выражен моральный и политический смысл учения об особой русской нестяжательской цивилизации. Оказывается, наша особость проявляется в том, что нам от природы не дано то, что дано другим народам, не дано право на полноценную, сытую жизнь, что мы, русские, обречены все время пребывать в полуголодном состоянии на грани жизни и смерти.

²² Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 367.

§ 5. Вопросы, которые ждут ответа

Кстати, само содержание упомянутой выше статьи «О Боге, человеке и цивилизации» показывает, что оценка русского XX века, в том числе оценка идейных мотивов перестройки, оценка реформ Хрущева и Горбачева, предполагает – в контексте хотя бы того спора, который развернулся между мной и авторами этой статьи, – уточнения целого рода понятий. Скажу сразу, мои оппоненты не учитывают, что сам по себе подвиг советских, русских людей, открывших, как они говорят, ворота Освенцима, не отменяет факт сходства сталинской политической системы с национал-социалистической. Если, как говорят мои оппоненты, им дорого русское наследство, то надо знать, что русский философ Николай Бердяев еще в середине 30-х дал глубокий и всесторонний анализ сходства большевистской и гитлеровской политических систем. В том-то и дело, что связывая русскость с мобилизационной государственной системой, мы вольно или невольно растворяем русскость в тоталитаризме. Не только политическая практика, но и социальная, пропагандистская практика национал-социализма, как выясняется, имела много общего с жизнью СССР во второй половине 30-х. Только один пример: в тот момент, когда Сталин дал задание превратить Сочи в здравницу для рабочих и колхозников, Гитлер начал в 1935 году через «Немецкий

трудовой фронт» строительство гигантского оздоровительного комплекса КДВ-Бад Рюген на побережье Северного моря (на острове Рюген). Гитлер самолично предложил отдать под строительство курорта для рабочих один из самых больших и роскошных пляжей Германии и оснастить его продуманной инфраструктурой для *бесплатного* отдыха полутора – двух миллионов рабочих и служащих ежегодно.

Далее. Нельзя не видеть разницу – и это, к сожалению, остается вне внимания моих оппонентов – принципиальную разницу между монастырем, где по доброй воле, по собственному выбору собираются люди, посвятившие всецело себя и свой труд богу, и колхозной принудительной организацией труда, которая, строго говоря, была реставрацией крепостного права вместе с барщиной.

Далее. Для оценки советской системы и колхозного строя, который для моих оппонентов является якобы «отражением христианского идеала», надо видеть различия между мотивацией и механизмами добра, духовного выбора, мотивами благотворительной активности и природой экономической, производственной активности. В том-то и дело, что русский крестьянин, который рьяно поддерживал коллективный труд по строительству избы для погорельцев, просто ненавидел труд, так называемый «коллективный», «огульный» труд на земле, который в начале 30-х годов XX века, после создания колхозов, стал его основной обязанностью. К сожалению, и сотрудники центра, руководимого Владимиром Яку-

ниным, и авторы статьи «О боге, человеке и цивилизации», и иерархи нынешней посткоммунистической РПЦ не знают или принципиально не хотят знать, что до революции 1917 года существовала огромная литература, посвященная анализу особенностей менталитета русского крестьянства, особенностей устройства крестьянской общины, где было доказано, что русский человек не только не тяготеет к коллективному труду на земле, а, напротив, является его убежденным противником. Вообще, не надо быть специалистом по психологии труда, чтобы понимать, что мобилизационная экономика, основанная на государственном принуждении к труду, даже если она сопровождается идейными мотивами, обречена, ибо труд на надрыве не может продолжаться вечно. Вот почему рассказу о подлинной русской трудовой психологии я вынужден посвятить отдельную главу.

Я, конечно, могу только высказывать предположения об истоках нынешнего возвеличивания русской цивилизационной личности, которая якобы состоит в нашем исходном русском духовном превосходстве над другими европейскими народами. Откуда эта неожиданная страсть к самовозвеличиванию? От незнания правды о самих себе, о нашем реальном национальном характере, или от стремления внедрить в сознание современной России новый миф, который бы помог нам уверовать в свою исключительность, в свою способность снова открыть дорогу в будущее человечеству? В этой связи, на мой взгляд, уместно напомнить моим оппонентам

о том, что было сказано и в русской литературе, и в русской общественной мысли о русском человеке и русской жизни, о том, чем он, русский человек, жил до революции, в первые годы советской власти, напомнить о реальных причинах победы большевиков.

Мои оппоненты, вслед за Патриархом Кириллом, убеждены, что есть народы, для которых привлекательна наша цивилизационная особенность, получившая воплощение в сталинскую эпоху, по крайней мере, в послевоенном СССР. Но я, честно говоря, не знаю и не верю, что есть народы, которые по доброй воле выберут то, что Патриарх Кирилл связывает с русским культурным кодом, и прежде всего «скромный достаток», полное растворение личности, «я» в коллективе, мобилизационную экономику, а тем более то уникальное политическое устройство, которое является предпосылкой коммунистического равенства. Речь идет о государственном атеизме, о безусловном господстве идеологии правящей коммунистической партии, о запрете на свободу собраний, о законодательном, как при Сталине, закреплении крестьян на земле, о запрете на свободу эмиграции, и т. д. Ведь нынешняя Северная Корея, по крайней мере, в той части, где она сдерживает своих граждан от соблазна обогащения и соблазна личного успеха, как раз и является воплощением того, что Патриарх Кирилл называет русским культурным кодом. Но мне думается, что не найдется сегодня в мире народ, для которого политическая и экономическая «симфония» Север-

ной Кореи была бы соблазнительна.

Не могу понять, почему признание ошибок и грехов коммунистического периода, как настаивает Всеволод Чаплин, должно рождать «комплекс ущербности и неполноценности». Ведь мы, в отличие от немцев, сами себя освободили от своего русского тоталитаризма, от всех уродств ленинско-сталинского наследства. На мой взгляд — я пытаюсь доказать это в книге, во имя чего и вынужден создавать ее по сути новый вариант — мы сегодня явно недооцениваем все негативные моральные последствия нашей нынешней новой игры в русскую особость. Раньше мы семьдесят лет внушали русскому человеку, что он особый, лучше всех, потому что он первый вступил на путь коммунистического строительства. Теперь, когда мы сами, руководствуясь именно гуманистическими чувствами, освободились от коммунистического крепостничества, стали свободными, неожиданно и вопреки всякой логике отказываемся от своей моральной и духовной победы, начинаем каяться и говорим, что полугодная советская жизнь с подневольным, надрывным трудом в окружении железного занавеса и есть наша настоящая русская судьба.

Мне думается, что как раз решающим аргументом против веры в существование особой русской «солидарной» цивилизации, где один за всех, и все за одного, на что одним из первых обратил внимание именно Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», является

поразительное сходство, родство политической системы, созданной немецким национал-социализмом, с политической системой, созданной большевиками. *Кстати, для Николая Бердяева это сходство гитлеризма со сталинизмом было свидетельством как раз западного, европейского происхождения нашей «советской системы».* В России, как оказалось, была все же благодатная почва для идеи «расправы», лежащей в основе учения Маркса об экспроприации экспроприаторов, но, как я покажу дальше, не было никакой почвы для колхозного строя.

Но если верить не Николаю Бердяеву, а Сергею Кара-Мурзе, то получается, что у русских с немцами один культурный код, что в идеале они стремятся к растворению личности в мессианистическом порыве перестройки мира и общества. И есть достаточно оснований считать, что солидарность и коллективистский энтузиазм, трудовые подвиги немцев во времена Гитлера все же превосходили энтузиазм русских людей в эпоху строек социализма. Рост промышленного производства в Германии с 1933 по 1939 год в 4 раза превосходил темпы роста промышленного производства в СССР в эпоху сталинской социалистической индустриализации. Да и обошлись немцы без вышек Гулага, без рабского труда сотен тысяч заключенных. Получается, что «идейно-духовный ресурс» у немцев, по преимуществу протестантов, играет даже более высокую роль при решении общих, национальных задач, чем у православных русских, которых советская власть

сделала «солидарными» строителями коммунизма.

Теперь, повторяю, чтобы сказать что-то внятное о перестройке, о тех, настаиваю, всемирно-исторических событиях, которые с ней связаны, я вынужден ответить на вопросы, которые, кстати, в советское время казались уже давно решенными. Честно говоря, после работы Владимира Соловьева «Россия и Запад», написанной еще в 1881 году, где он камня на камне не оставил от претензии Николая Данилевского доказать наличие какой-то особой русской, славянской коллективистской цивилизации, в ценностном, культурном отношении противоположной западной, христианской цивилизации, как-то неловко напоминать всем нынешним последователям Данилевского, что нет ни одного достижения русской культуры, которое не было бы связано, не было спровоцировано западной культурой. Как-то неловко сейчас напоминать о тех в буквальном смысле десятках великолепных текстов, написанных и во время гражданской войны, и потом, в эмиграции, где было показано, что после всего, что произошло с нами с 1917 по 1922 год, нет никаких оснований говорить о нашей русской особой духовности, а тем более о нашей особой близости к богу.

И все-таки не могу не напомнить о статье Николая Бердяева «Гибель русских иллюзий», которая была написана им в 1918 году под впечатлением начавшейся гражданской войны и посвящена краху, славянофильских представлений о русских как об избранном народе. Самые противоположные

русские идеологи утверждали, писал Бердяев, что русский народ выше европейской цивилизации, что закон цивилизации для него не указ, что европейская цивилизация слишком «буржуазна» для русских, что русские призваны осуществить Царство Божие на Земле, царство «высшей правды и справедливости». Но после всего, что произошло в 1917 году, писал Бердяев, настало «время осознать, что все формы народничества – иллюзии, порождение русской культурной отсталости... Вера в «народ» всегда была малодушием и бессилием русских мыслящих людей, боязнь возложить на себя ответственность и самим решить, где истина и правда».²³ «Вера в “Святую Русь”, – настаивал Николай Бердяев, звучит нестерпимой фальшью и ложью».²⁴ «...Народ, в который верили славянофилы... обнаружил первобытную дикость, тьму, хулиганство, жадность, инстинкты погромщиков, психологию взбунтовавшихся рабов...».²⁵ Можно обвинить Николая Бердяева, кстати, как и Ивана Бунина, писавшего тогда же о том же самом, – о дикости и жестокости взбунтовавшегося русского народа – в барском дворянском отношении к трудовому крестьянству. Но ведь и почти большевик Алексей Горький и социал-демократ Владимир Короленко в своих дневниках и публикациях в годы граждан-

²³ Бердяев Н. Падение священного русского царства. – М.: Астрель. – 2007. – С. 745–746.

²⁴ Там же. С. 748.

²⁵ Там же. С. 749.

ской войны точь-в-точь повторяют слова Николая Бердяева, характеризующие восставший русский народ. Алексей Горький, как и Николай Бердяев, напрямую связывает наблюдаемые им проявления дикости, жадности и жестокости восставших крестьян и восставшего рабочего класса с критикой славянофильских представлений о русских как выразителях «высшей правды и справедливости».

И здесь возникает важный вопрос, который я пытаюсь поднять в книге. Почему в сотни раз опровергнутые русским XX веком иллюзии славянофилов, поздних славянофилов и в особенности Николая Данилевского, снова пытаются реанимировать не только левая, прокоммунистическая интеллигенция, но и нынешнее руководство РПЦ. С чем это связано? Ведь, как и в XIX веке, миф о том, что «русский народ выше европейской цивилизации», что закон западной цивилизации нам не «указ», идет не снизу, не от самого русского человека, а сверху, от интеллигенции. Неужели снова, как писал Бердяев, все от страха перед правдой новой русской жизни?

Как-то неловко после исследования Г. В. Плеханова «Наши разногласия» снова доказывать, что не было ни в русском национальном характере, ни в русской крестьянской общине ничего, что вело бы русского крестьянина напрямую в коммунистическое будущее. И теперь снова придется вспомнить о тех энциклопедических работах, литературных произведениях второй половины XIX и начала XX века (на которые,

кстати, ссылались и Плеханов и Ленин), где было показано, что русский крестьянин прежде всего собственник, и вопреки всему, что говорят сегодня идеологи особой русской цивилизации, он, русский крестьянин, больше всего на свете не любил коммунистическую, «огульную» организацию труда.

Когда-то, уже в последний год перестройки, я издал книгу «Насилие лжи или как заблудился призрак»,²⁶ где десятки страниц посвятил доказательству того, что Ленин во время военного коммунизма воплощал в жизнь именно марксистский проект, что вся его жизнь как революционера и как политика была пронизана верой в марксистское учение о победе пролетариата. Но сегодня (в споре уже с Сергеем Кара-Мурзой) придется снова доказывать, что Ленину по большому счету было наплевать и на российское крестьянство и на его культурный код, что на самом деле он рассматривал Россию как материал, как плацдарм будущего наступления на мир капитализма.

На самом деле Ленина, Троцкого, большевиков никогда не интересовало то, что сегодня подразумевают под понятием «национальный культурный код». Вообще обращает на себя внимание, что Сергей Кара-Мурза оперирует в своем исследовании не реальной историей прихода большевиков к власти, а ее сталинской интерпретацией, в которой была предана забвению громадная роль ортодоксального марксист-

²⁶ Ципко А. Насилие лжи, или как заблудился призрак. – М., Молодая гвардия. – 1990.

ста Льва Троцкого при организации Октябрьского переворота и, самое главное, в организации победы большевиков в гражданской войне. Мне придется напомнить историку Сергею Кара-Мурзе, какие мысли и какие на самом деле мотивы двигали мотором октябрьского переворота – Львом Троцким. Благо, Лев Троцкий – единственный из вождей Октября, оставивший нам мемуары, где зафиксированы идеологемы, которыми руководствовались они с Лениным, принимая решение о вооруженном восстании.

Не могу не напомнить, что Ленин всегда рассматривал русского крестьянина как мелкого собственника, как носителя мелкобуржуазной идеологии. Кстати, абсолютно все нынешние поклонники учения Данилевского об особой русской цивилизации, в том числе и авторы статьи «О боге, человеке и цивилизации», неправомерно отождествляют антикапиталистические настроения российского крестьянина, его нежелание стать батраком в крупном капиталистическом хозяйстве с прокоммунистическими настроениями. На самом деле психология крестьянина-частника, психология мелкотоварного производства куда ближе к психологии крупного сельскохозяйственного производства, чем к психологии «монастырского», коммунистического труда. И именно по этой причине колхозный, коммунистический труд потерпел полное фиаско в СССР, о чем я также вынужден говорить в связи с анализом причин перестройки и причин распада СССР. Скажу сразу. История сталинского колхозного

строю и, самое главное, его реальные экономические результаты камня на камне не оставляют от убеждения моих оппонентов, что крестьяне якобы «приняли» его, что он для них был отражением христианского идеала.

И снова не могу обойтись без эмоций, не могу не сказать, что мои оппоненты, все сторонники учения об особой русской цивилизации, насилуют реальную русскую историю куда больше, чем советская власть во времена «Кратного курса истории ВКП(б)» Иосифа Сталина. Складывается впечатление, что доказательство истинности учения об особой русской цивилизации, доказательство того, что Хрущев и Горбачев занимались «демонстражем русской души», требует куда больше моральных жертв и откровенной лжи, чем доказательство истинности учения о победе коммунизма. Сюжет о якобы добровольном выборе русскими крестьянами колхозного строя – только один пример тому.

Конечно, реактуализация этих проблем, кстати, давно решенных даже в советском обществоведении – речь идет о формационном и мировоззренческом родстве мелкотоварного производства и крупнотоварного, уже капиталистического производства – вызвана не только необходимостью моральной реабилитации перестройки Горбачева. *Речь идет о реабилитации патриотизма и патриотических чувств всех выдающихся деятелей русской культуры, науки, которые любили Россию, но были активными противниками большевизма и созданной большевиками «советской системы», бы-*

ли противниками коммунизма. Речь идет о моральной реабилитации и всех нас, представителей бывшей советской интеллигенции, которые активно поддерживали Горбачева и принимали активное участие в демократических переменах (настаиваю!) этой уникальной эпохи. В книге я просто вынужден показать, что за учением об особой русской цивилизации, якобы во всем противоположной ценностям западноевропейской цивилизации, стоит на самом деле агрессивный национальный нигилизм. Перестройка точно не «убивала» Россию, не была «смертельным ударом по России». Но попытки свести русский культурный код к уравниловке являются на самом деле покушением на все достижения нашей национальной культуры и русской общественной, философской мысли.

На самом деле третьего не дано. Или быть русским в том смысле, что ты вместе со всеми выдающимися представителями русской общественной мысли и всеми выдающимися представителями русской культуры (вместе с Николаем Бердяевым, Семеном Франком, Сергеем Булгаковым, Петром Струве, Иваном Ильиным, Георгием Федотовым, Федором Степуном, Иваном Бунинным, Зинаидой Гиппиус, Василием Розановым, Владимиром Короленко, Владиславом Ходасевичем и т. д.) считаешь, что Октябрь и последующая гражданская война были величайшей катастрофой в российской истории, которая привела к гибели миллионов людей и созданию самого кровавого и деспотического режима

в истории Европы, или быть русским вместе с Сергеем Кара-Мурзой, идейным и духовным руководством Всемирного русского народного Собора и считать, что созданные Сталиным колхозы были выражением русского православного идеала. И потому я пытаюсь в книге доказать, что русскость, жажда «правды» на самом деле стоит за всем, что связано с перестройкой и прежде всего с состраданием к жертвам коммунистического эксперимента, с желанием доказать, что мы, русские, можем быть свободными, успешными, жить полноценной жизнью. *Я попытаюсь показать в книге, что на самом деле не может быть внешнего могущества нации без ее внутреннего могущества.*

Сегодня лично мне важно доказать, что на самом деле русскими, и прежде всего в культурном, духовном отношении, были те, кто не принял ленинский Октябрь, кто боролся с большевиками как богоборческой властью, кто противостоял коммунистической идеологии, для кого победа большевиков была катастрофой, кто потом в эмиграции до конца жизни, как Иван Ильин, мечтал о том счастливом дне, когда опоры большевистской системы разрушатся.

И далее. Были ли русскими те генералы, офицеры, те солдаты, казаки, та часть российской интеллигенции, студенчества, которые пришли в Добровольческую армию и воевали, умирали за святую Русь? Неужели Ленин и вся его гвардия, собрание профессиональных революционеров-интернационалистов, никак или слабо связанных с Россией, все эти

Дзержинские, Радеки, Зиновьевы, Раковские и т. д., были ближе к русскости и русской культуре, чем те, к примеру, русские священники, самые лучшие представители РПЦ, которые умирали во имя веры, во имя той России, которая им была дорога?

И здесь снова чисто философский, методологический вопрос. Можно ли считать критическое, негативное отношение самых выдающихся представителей дореволюционной русской интеллигенции к большевизму, к советской системе отражением русскости? На первый взгляд, этот вопрос выглядит абсурдным. У всех народов принято считать, что выражением национального духа являются прежде всего представители национальной интеллигенции, все те выдающиеся деятели культуры, которые своим творчеством обогатили всеобщую, всечеловеческую культуру, принесли славу, уважение к своей нации. Но вся особенность учения об особой русской цивилизации в той форме, как оно излагается, к примеру, не только в работах Сергея Кара-Мурзы, но и в статье моих оппонентов, состоит в том, что в нем русскость связывается исключительно с настроениями беднейшего крестьянства России. Сергей Кара-Мурза всерьез утверждает: к 1917 году высшие сословия России, вообще образованная Россия не имели что сказать о будущем своей стране. Он полагает, что не только 8–9% зажиточного крестьянства, то есть кулаки, крепкие хозяева не имели права голоса в споре о русском проекте, но и середняки, составлявшие 38 % крестьян-

ства, были лишенцами в определении судеб России, и только беднейшее крестьянство знало, что нужно русской душе, и только беднейшее крестьянство было выразителем русского культурного кода.

И хотя, к примеру, Сергей Кара-Мурза на словах критически относится к Марксу из-за его русофобских высказываний, на самом деле вместо национального подхода он нам предлагает какой-то извращенный вариант классового подхода. Все-таки у Карла Маркса «умом и сердцем» человеческой истории был пролетариат, носитель промышленного сознания. А тут получается, что безлошадное, нищее крестьянство, часто, в силу личных особенностей, не способное поставить на ноги свое хозяйство, и есть настоящая Россия, настоящий русский человек. Таким образом, оценка исторического смысла демократических реформ Горбачева зависит от того, какой вы смысл вкладываете в понятия «русский народ», «русская нация», «русская культура». И получается, что прежде чем судить об историческом смысле перестройки, о событиях, освободивших Россию от коммунистической системы и марксистской идеологии, вы должны определиться прежде всего с понятием «русский народ».

Впрочем, насколько верно утверждение, что именно беднейшее крестьянство решило в 1917 году судьбу России, выбрало красный, коммунистический проект? Проблему эту впервые поставил Антон Иванович Деникин в своих «Очерках великой смуты». Он в своем исследовании причин по-

беды большевиков обращает внимание, что в руководстве Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который решил судьбу России в 1917 году, на самом деле, за редким, штучным исключением, не было ни представителей крестьянства, ни представителей рабочего класса. Судьбу России тогда как раз решили представители особогословия, космополитической, социалистической интеллигенции, которую Сергей Кара-Мурза не включает в понятие народ.²⁷ Эти люди умели манипулировать настроениями масс, на самом деле они представляли только собственные интересы, интересы революционной интеллигенции. И действительно ли, как считают авторы статьи «О Боге, человеке и цивилизации», отличие сталинского социализма 40-х – начала 50-х от ленинского состоит в том, что он был ближе к тому, что они называют «русской системой»?

Далее. Нельзя всерьез говорить ни о перестройке, ни о ее

²⁷ На июльском Всероссийском съезде представителей советов рабочих и солдатских депутатов, обращает внимание Антон Деникин, было 285 социалстов-революционеров, социал-демократов меньшевиков – 248, социал-демократов большевиков 105 и только 5 трудовиков. «Таким образом, – писал Антон Деникин, – подавляющие массы не социалистической России не были представлены ни одним человеком...» С точки зрения Антона Деникина, и с этнической точки зрения, Исполнительный комитет, руководящий орган Петроградского совета не был отражением настроений русского народа. Здесь он ссылается на члена Исполкома, который позже в своих воспоминаниях писал, что «поражающей чертой в личном составе комитета является значительное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности и в Петрограде, и в стране» (А. И. Деникин. Очерки великой смуты. М., Айрис-Пресс, 2003. С. 218–221.)

соответствии тем или иным представлениям о русском культурном коде, не отдавая себе отчета о том, что стоит за понятием «советская система». Когда тот же Сергей Кара-Мурза говорит, что советская система была реализацией русского культурного кода, то, как видно из его текста, он имеет в виду исключительно советскую плановую экономику, основанную на общественной собственности и исключаящую частную собственность на средства производства, исключая рыночную конкуренцию. Он имеет в виду только ту организацию производства и распределения продуктов, которая обеспечивала, по его словам, «скромный, гарантированный достаток». Но ведь в действительности, и это стало очевидным как раз во время перестройки, блага относительного равенства, создаваемые советской экономикой, обеспечивались, как говорит марксизм, тесно связанной с ней политической надстройкой. Советская система на самом деле — это прежде всего монополия правящей, единственной коммунистической партии, не только на власть, но и на правду. Монополия эта обеспечивалась запретом на политическую деятельность, цензурой, установлением единой государственной идеологии, политическим сыском, доношительством и т. д. И если, как считает Сергей Кара-Мурза, классическим воплощением советской системы была сталинская эпоха, то к ней, к советской системе, надо присовокупить и вождизм, и право вождя по собственному усмотрению распоряжаться жизнью и судьбой своих подданных, право при-

крепить их к тем или иным видам труда, и т. д.

В том-то и дело, что перестройка была направлена именно на демонтаж политических скрепов советской плановой экономики, направлена на то, чего обычно не принимают во внимание сторонники учения об особой русской цивилизации. Другое дело, Горбачев не понимал, что, разрушая монополию КПСС на власть и на правду, он тем самым разрушал и советскую экономическую систему, и те социальные блага, которые она действительно несла людям. И если Сергей Кара-Мурза говорит, что перестройка была «демонтажом народа», то означает ли это, что советский, левый тоталитаризм, то есть единовластие, государственное крепостничество, право государства вмешиваться в личную жизнь, навязывать убеждения, соответствовал менталитету русского народа? В том-то и дело, что все нынешние проповедники особой русской цивилизации, в том числе и Патриарх Кирилл, не учитывают, что на самом деле социалистическая солидарность в труде (до 1917 года труда, организованного в национальном масштабе не было и быть не могло) была не результатом свободного выбора, а особой системой государственного принуждения к труду.

И вообще, если сталинская система была реализацией русского культурного кода, то надо признать, что на самом деле никакого русского культурного кода не было, ибо сталинская система до малейших деталей оказалась воспроизведена и в албанском социализме времен Анвара Ходжи, а

сегодня процветает в стране внука Ким Ир Сена. Чем не советская система? Всеобщее равенство скромного достатка, временами переходящего в голод. Мобилизационная экономика, стимулируемая очередными идеологическими кампаниями, жизнь и работа в коллективе и только во имя государства. Я бы лично советовал авторам книги «Цивилизационно-ценностные основания экономических решений» и прежде всего руководителю этого коллектива В. И. Якунину внимательно изучить организацию труда в Северной Корее. Ведь там есть все, что он, а теперь и Патриарх Кирилл, и все руководство ВРНС считают принадлежностью русского культурного кода. Материальное стимулирование практически под запретом, «идейно-духовный фактор хозяйствования» ставится во главу угла, «нетрудовые люди» не только оцениваются в качестве «негосударственного элемента», а вообще уничтожаются. И самое главное – расправа вождя над своим родным дядей, над своими собственными двоюродными братьями и сестрами, произошедшая несколько дней назад. Внук Ким Ир Сена уже вошел во вкус борьбы с «врагами социализма», начал и свой 1937 год, правда, в «скромных масштабах», приговорив к смерти всего 200 человек из ближайшего окружения своего деда. Все точь-в-точь, как у нынешнего любимца проповедников особой русской цивилизации, все по-советски, по-сталински.

Само собой разумеется, что все простые люди в Северной Корее «ведут нестяжательский образ жизни» и осужда-

ют стяжательство. И самое главное. Неудобные вождю называются врагами народа и уничтожаются на корню, до третьего колена. Сталин в этом отношении был милосерднее, чем любимый нашими «верными ленинцами» внук Ким Ир Сен. Он все же детей «врагов народа» не убивал.

Конечно, если все тезисы учения об особой русской цивилизации, говорящего, что Горбачев и все мы, перестройщики, якобы убили настоящую, подлинную Русь, довести до логического конца, то это пахнет абсурдом. Нигде в классической русской литературе нет типажа, который бы соответствовал тому образу русскости, который воссоздают сегодня в своих текстах сторонники особой русской цивилизации.

Но мы живем в эпоху, когда на смену марксистской мифологии (которая могла сохранять правдоподобность до появления русского коммунизма, до нашего коммунистического эксперимента) приходит идеология откровенного абсурда, приходит идеология, утверждающая, что на самом деле русские – это недолуды, ибо им не дано то, что было дано всем другим европейским народам, не дано быть свободными, не дано наслаждаться жизнью, достатком и, самое главное, не дано право на личный успех.

И самое главное в моей полемике со сторонниками учения об особой русской цивилизации. Как совместить реальную историю прихода к власти большевиков (и, что не менее важно, реальную историю удержания большевиками вла-

сти, захваченной в Петрограде в октябре 1917 года), и, самое главное, реальную историю социалистического строительства в СССР, создания колхозного строя, наконец, реальную низкую экономическую эффективность советской экономики, и прежде всего советского аграрного сектора, с учением об особой русской «солидарной», коллективистской цивилизации. Так и хочется спросить его адептов: почему так много людей надо было убить, посадить в тюрьму, чтобы создать систему, которая якобы соответствует их национальному характеру? Может быть, та русская нация, которая возникла в результате социалистического строительства и которая, вполне возможно, свыклась с «социалистической системой», имеет мало общего с той русской нацией, которая оказалась в окопах Первой мировой войны и отчаянно сопротивлялась попыткам большевиков перейти к коммунистической организации труда.

Существуют тысячи аргументов, доказывающих, что советский строй не был результатом сознательного, добровольного выбора русского человека, а тем более сознательным выбором образованной России. Но самым убийственным аргументом, противоречащим утверждению, в частности Всеволода Чаплина и Александра Рудакова, будто колхозный строй соответствовал русскому православному идеалу, является тот факт, что все шестьдесят лет его существования советский крестьянин на своем клочке земли работал в десять раз более усердно и с большей отдачей, чем на

колхозном поле. Все-таки для русского и не только русского крестьянина работать *на себя* было несравненно ближе, чем работать «на дядю», на государство вообще.

Изложенная выше концепция русскости, особой русской цивилизации, провоцирует десятки вопросов, которые старательно избегают ее сторонники, избегают, чтобы сохранить хотя бы видимость правдоподобности своей концепции. Если, как настаивают идеологи особой русской цивилизации, все, что любо западному человеку, а именно свое собственное «я», отдельное от коллектива, личная свобода, достаток, личный успех, собственность, личное счастье, право самому распоряжаться своей единственной жизнью, чуждо русскому человеку, то почему в классической русской литературе за сто лет ее дореволюционного существования не нашлось места ни для одного якобы подлинно «русского» персонажа. Сплошь и рядом «западные типы», озабоченные судьбой своего «я». Только в советской литературе, в романе Николая Островского «Как закалялась сталь» появляется герой Павка Корчагин, который олицетворяет то, что, к примеру, Сергей Кара-Мурза называет русским архетипом. Так, может, на самом деле то, что Сергей Кара-Мурза, Всеволод Чаплин, Александр Рудаков называют русским культурным кодом, есть лишь идеал советского человека, созданный советской пропагандой? *И вообще не опасна ли для нас сегодня нынешняя модная «антиперестроечная», «солидарная» русскость, где даже у Патриарха не нашлось места для*

таких понятий, как «совесть», «свобода», «сострадание», «счастье», «успех». Ведь на самом деле образ русскости, создаваемый ныне вслед за Николаем Данилевским идеологами особой русской цивилизации, вступает в конфликт не только с ценностями европейской цивилизации, либерально-буржуазной цивилизации, но и в конфликт с природой человеческой культуры, с природой творчества, отличающего человека от животного мира. Ведь творчество, стремление к совершенству, к саморазвитию предполагает обособленность «я» от коллектива, желание подчеркнуть свою уникальность, создать то, что не могут создать другие. Ведь на самом деле даже в конкуренции, которую идеологи особой русской цивилизации выводят за рамки нашей нации, заложена все та же человеческая страсть к успеху, к самореализации. И, честно говоря, уже совсем трудно совместить реальную историю зарождения и становления того, что Сергей Кара-Мурза называет «советским строем», с учением об особой русской цивилизации. Все дело в том, что если бы советский строй был бы действительно реализацией русской мечты, то не было бы необходимости в том беспрецедентном насилии, которое сопровождало всю историю строительства социализма в СССР.

Далее. Если рыночные, конкурентные отношения по природе противны русскому человеку, то почему так быстро и стремительно развивался капитализм в России, в том числе и в земледелии, в двадцатилетнюю эпоху Николая II? Почему

еще в 1916 году Ленин отвергал возможность пролетарской социалистической революции даже в отдаленном будущем? Если коммунистический общинный коллективизм лежит в основе русского и прежде всего крестьянского культурного кода, почему большевики шли к власти не на своих коммунистических лозунгах, а на шкурном, мелкобуржуазном лозунге «черного передела», соблазняя крестьян лишним куском земли? Насколько верно, насколько соответствует историческим фактам утверждение Сергея Кара-Мурзы, что Ленин, большевики в своей преобразовательной деятельности руководствовались не марксизмом, а требованиями так называемого русского культурного кода? И вообще, есть ли в том, что Сергей Кара-Мурза называет «русским культурным кодом», что-то особенное, специфическое, чего не было у других арийских народов (и прежде всего потребность в равенстве)? А как быть с левеллерами эпохи английской революции, с бабувистами?

И далее просто кричащие факты, которые очень трудно как-то совместить, примирить с утверждением Сергея Кара-Мурзы, что советская система была естественным, добровольным выбором русского трудового народа. Речь идет прежде всего о тех человеческих жертвах среди русского населения, которыми сопровождалось установление якобы народного русского, «советского строя» в России. Если бы советский строй действительно был русской мечтой, то не нужен был бы беспрецедентный красный террор, который унес

по разным оценкам от 1,6 млн. до 2 млн. человек. И самое главное, что среди жертв этого красного террора преобладающая часть за крестьянами и рабочими, которые якобы всей душой были за коммунизм, за строй братства и солидарности. Если бы советский строй был действительно свободным выбором русского народа, то, наверное, не было бы нашей кровавой, жестокой гражданской войны 1918–1922 годов. И именно у русских, у русских крестьян, культурный код которых якобы основан на максиме «человек человеку брат», брат шел на брата, брат убивал брата, а иногда и своего отца.

Во время подавления тамбовского восстания 1920–1921 годов новая советская власть расстреляла, умертвила газами по разным оценкам от 70 до 90 тысяч крестьян. Всего жертвами красного террора по британским данным было 815 тысяч крестьян, 193 тысячи 290 рабочих. В стране с июля 1918 года по февраль 1922 года действовало 610 чрезвычайных комиссий разного уровня, которые занимались интенсивным террором якобы во имя утверждения русского культурного кода. Против казаков-крестьян применялся геноцид в точном смысле этого слова. В начале 1920 года было истреблено около 130 тысяч уральских казаков. Весной 1921 года, во время подавления Западносибирского крестьянского восстания было расстреляно 75 тысяч крестьян.

Я напоминаю о жертвах войны советской власти с восставшими против нее русскими крестьянами не для нагнетания эмоций, а для определения смысла, содержания поня-

тий, которыми оперируют у нас сегодня сторонники особой русской, общинной, коммунистической цивилизации. При анализе реальной истории становления «советской системы» возникает, как я уже пытался показать выше, целый ряд вопросов философского, методологического свойства, и без ответа на них нельзя определить ни природу русскости, ни исторический смысл перестройки, ни содержание проблем, которые решает сегодняшняя посткоммунистическая Россия, и которые откровенно игнорируют нынешние последователи учения Николая Данилевского об особой русской цивилизации.

Я не говорю об очевидном, о том, что для сохранения правдоподобности учения об особой коллективистской русской цивилизации уже ее основателю приходилось вступать в конфликт с правдой, с научной совестью. Все дело в том, что учение об особой славянской цивилизации в точном смысле этого слова Николаю Данилевскому так и не удалось создать. Это знали и понимали и многие его современники, к примеру, Владимир Соловьев. Об этом я пишу более подробно в разделе книги, специально посвященном критике учения Николая Данилевского. А после нашего страшного русского XX века его последователям приходится просто врать, третировать правду нашей советской истории. Но я сейчас не об этом.

Сейчас я о том, где все же искать природу, корни русскости. В программе большевиков, которая воплощалась в

жизнь с помощью беспрецедентного в истории человечества насилия, или в требованиях русских крестьян, которые, как известно, не приняли ленинскую программу создания трудовых коммун, ленинский проект организации труда на земле в национальном масштабе? И здесь возникает до сих пор не только не исследованная, но и не осознанная проблема. Какому из двух, трех русских проектов, с которыми пришла наша страна к 1917 году, больше всего соответствовала перестройка Горбачева? Спор о перестройке сегодня неизбежно превратился в спор о природе русскости. Ни Горбачев, ни его команда, начиная свои демократические перемены, не имели об этом ни малейшего представления. Правда, спор о перестройке – это спор не о нынешней природе русскости, которая возникла в результате социалистической переделки русского человека, о а той природе русскости, которая существовала и жила накануне 1917 года.

Что получится, если мы лишим русскость всех тех, кто, как я, считает, что русская культура является неотъемлемой частью европейской, христианской цивилизации? От русскости в духовном отношении мало что останется, если мы выведем за ее рамки и русскую литературу, и русскую общественную мысль, которые создавались под непосредственным влиянием общей европейской культуры! И вообще, можно ли использовать понятия *«национальный проект»*, *«национальная идея»* применительно к учениям и настроениям отдельного класса, даже если он составляет по-

ловину населения страны? Можно ли говорить о национальном проекте применительно к нации, которая, как известно, к 1917 году не сформировалась, а состояла из двух наций, образованной России, составляющей меньшинство, и большинства неграмотного крестьянства?

Если даже идея всеобщего полного равенства, характерная для беднейшего крестьянства, есть сердцевина русскости (что, как я попытаюсь показать в книге, является весьма спорным утверждением), то имеем ли мы право навязывать остальной, успешной и образованной России чуждые ее устремлениям и психологии ценности и идеалы. Ведь на самом деле образованная Россия, за исключением нескольких тысяч членов РСДРП, не проявляла интереса к идеям коммунизма. Даже если беднейшее крестьянство рвалось в то, что им предлагал во время военного коммунизма Ленин, в «коммунию» (что, повторяю, не соответствует действительности), как быть с правами тех, кто жил и работал в рыночной экономике, кто хотел свободной торговли и добивался в ней успеха?

И вообще, имеем ли мы право применять понятие нации при определении настроений, мировоззрения одного из классов, даже если он в количественном отношении составляет большинство? Хотя и здесь проблема. К моменту революции 1917 года, если верить тем данным, которые приводит Сергей Кара-Мурза, бедняки все же составляли немного меньше половины населения. Чем отличается методоло-

гия Сергея Кара-Мурзы, который пытается вывести всеобщее, национальное из интересов одного отдельного класса, от марксизма? Понятно, что ничем. И тут и там – неохристианская идея, что правда и благодать за убогими. Но как быть тогда с русской идеей, которая, с его точки зрения, не имеет ничего общего с идеалами марксизма и самим марксизмом!

Что следует из утверждения Сергея Кара-Мурзы, будто образованная Россия, ее высшие сословия, включая интеллигенцию, деятелей культуры, к моменту революции 1917 года уже не несли в себе идей и стимулов к развитию страны? Ведь за этим утверждением стоит классовый расизм, ничем не отличающийся от нацистского расизма. Марксистская идея деления общества на классы, у которых есть будущее, и на так называемые «отжившие классы» на самом деле является призывом к убийству тех, кому коммунисты не имеют, что сказать.

Ответом на эти вопросы и является вся композиция предпринятого мной исследования. Первую, как бы утвердительную часть своей книги я как раз и хочу посвятить доказательству того, что перестройка, демонтаж тоталитарных основ советской, ленинско-сталинской системы соответствовал и ожиданиям, надеждам образованной России, выдающихся деятелей ее дореволюционной культуры, и ожиданиям, надеждам подавляющей части уже советской интеллигенции. Здесь я попытаюсь показать, что в самой идее гласности есть многое от того, что Семен Франк называл русским понима-

нием правды и истины. На мой взгляд, проект Горбачева потому и был русским национальным проектом, что соответствовал на протяжении семидесяти лет ожиданиям наиболее образованной, талантливой России. Кстати, никто из тех, кто желал демократизации советской системы и, как мог, этому способствовал, не думал о якобы существующих различиях между русскими «базовыми ценностями» и «заемными западными ценностями». Интеллигенцией социалистических стран Восточной Европы, как и советской шестидесятнической интеллигенцией двигало прежде чувство совести, чисто инстинктивное отторжение от зла, от насилия, от чудовищной, противоестественной жестокости сталинской эпохи, от многих очевидных абсурдов советской системы. В книге я пытаюсь показать то, о чем многие сегодня забыли: политика гласности, перестройка Горбачева была еще и ответом на кризис, прежде всего моральный, идеологический, который на самом деле сопровождал всю историю социализма в странах Восточной Европы. Я пытаюсь доказать, что демонтаж советской модели был не «демонтажом русского народа», как настаивают нынешние последователи Николая Данилевского, а реализацией духа, ценностей русской культуры, ее человеколюбия и свободолюбия, ее христианской православной сущности, ее потрясающего гуманизма. *И в этом смысле я настаиваю на том, что перестройка Горбачева была русским проектом, ибо за ней стоял прежде всего гуманизм, пронизывающий всю русскую культуру, всю русскую*

общественную мысль. И восприятие советской системы, к примеру, авторами сборника «Из-под глыб» на самом деле ничем существенным не отличается от ее восприятия выдающимися деятелями русской литературы и русской общественной мысли, оказавшимися после окончания гражданской войны в эмиграции. Кстати, сборник «Из-под глыб» – уникальный пример духовной, ценностной преемственности между русской общественной мыслью, оказавшейся после гражданской войны в эмиграции, и советской антикоммунистической интеллигенцией. И совсем не случайно Александр Солженицын свою статью «Образованщина» начинает с рассказа об основных идеях «Вех».

Кстати, мое собственное мировоззрение, мой собственный взгляд на истоки и природу советской системы, есть одно из свидетельств существования преемственности в развитии русского духа, русской общественной мысли, преемственности между тем, как видели советскую, большевистскую систему свидетели ее зарождения (речь идет о русских мыслителях начала XX века), и мы, та часть советской интеллигенции, которая в силу случая оказалась погруженной душой, мыслями в ту русскость, которую несли в себе лучшие, наиболее талантливые представители дореволюционной русской общественной мысли. Кстати, сам факт, что мы, советские люди первой половины 60-х, в данном случае я говорю о себе, восприняли правду врагов большевизма как свою личную правду, говорит о силе русского гума-

нистического чувства, русской любви к человеку, которая все же не угасла, несмотря на все усилия советской системы по переделке духовной природы русского человека. Такие, как я, а их было немало, кто с юности, со студенческих лет воспринимал советскую систему как нечто противоестественное, противное идеалам гуманизма, просто выражали инстинкт самосохранения нации как целостности. Не больше и не меньше.

И конечно здесь я просто был обязан показать онтологию, человеческое содержание того, что мы называем перестройкой. Я был вынужден показать то, что сегодня не принимают во внимание или преднамеренно игнорируют критики перестройки, а именно качественные различия между мировоззрением Горбачева, который, по крайней мере, в первые годы перестройки не выходил за рамки шестидесятнических требований демократизации социализма, и мировоззрением команды Ельцина, которая действительно с самого начала настаивала на полном демонтаже и советской экономики и советской политической системы. На самом деле перестройка в начале была лишь попыткой второго издания пражской весны.

В первой части книги я пытаюсь показать, что советская философия в лице ее лучших представителей уходила от официального марксизма-ленинизма точно так, как порывала с коммунистической идеологией почвенническая литература, путем реабилитации христианских, православных цен-

ностей, реабилитации чувства сострадания, совести. В силу своего личного жизненного опыта я имею также возможность рассказать, как уходила в идеологии от советской модели Польша времен «Солидарности».

Вторую часть книги я целиком и полностью посвящаю критике и опровержению учения об особой русской коллективистской цивилизации в том виде, как она была впервые сформулирована, и в том виде, как она уже интерпретируется, в частности, в книге Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР», в статье Всеволода Чаплина и Александра Рудакова «О Боге, человеке и цивилизации». Этот раздел книги я начинаю с опровержения тезиса проповедников учения об особой русской цивилизации, тезиса о том, что Ленин и соответственно Троцкий руководствовались во время революции и гражданской войны не марксизмом, а требованиями русского культурного кода, не марксистским идеалом, а идеалами русского народа. Если я докажу, что все же Ленин, а позже Сталин воплощали в жизнь учение Карла Маркса о первой фазе коммунистической формации, а не требования русского культурного кода, то тем самым я смогу показать, что на самом деле перестройка была запоздалой контрреволюцией. Далее логика исследования требует доказать, что нельзя было воплощать в жизнь то, чего на самом деле не было, а все эти мифы и гипотезы о русской цивилизационной особенности – от утраты веры в себя. В этой главе я обращаю внимание на исходный национальный нигилизм и национальное пора-

женчество самого учения об особой русской цивилизации. Естественно, я был вынужден, опираясь на работы Владимира Соловьева, показать, почему с самого начала учение Николая Данилевского не имело под собой исторической и фактологической почвы, имело чисто эмоциональное происхождение. Далее при исследовании причин победы большевиков в гражданской войне я обращаю внимание на те особенности русского национального сознания, которые прямо противоречат мифу о коллективистской природе русской души, но которые умело эксплуатировали в своих политических целях большевики. Все это заставляет меня снова рассказать правду о реальной душе и реальных устремлениях русского крестьянина, как она была описана до революции во всех серьезных исследованиях, посвященных этой проблематике. Здесь же я пытаюсь показать истоки происхождения мифа об особой коллективистской природе русского человека, якобы пренебрегающего экономическими стимулами к труду и предпочитающего соборный, коммунистический труд. Далее я попытаюсь доказать, что на самом деле советский строй был не выбором русского трудового народа, а реализацией на русской почве марксистского учения о диктатуре пролетариата. И, следовательно, как я пытаюсь показать в книге, вся история строительства социализма в СССР была историей беспрецедентного насилия над Россией и русским человеком. Ничто так не обнажает ложь учения об особой русской коллективистской цивилизации, как ис-

тория создания и жизни советского колхозного строя. Именно путем выявления черт, которые родственны и советской системе и гитлеровской Германии, я пытаюсь показать, что советская система, как и нацистская, была на самом деле западным проектом, вызвана общим кризисом западной, европейской цивилизации. И здесь, в заключительных разделах книги, я пытаюсь объяснить причины зарождения учения об особой русской цивилизации, которое ведет к реабилитации преступлений сталинской эпохи и на самом деле является рецидивом сталиномании.

Часть первая

Глава I Перестройка Горбачева как революция сверху

§ 1. Политика «гласности» как праздник «Правды-истины» по-русски

Когда погибла «советская система»? Это произошло еще в 1989 году, как только «контрреволюционная литература», и прежде всего воспоминания российской интеллигенции о революции, о гражданской войне, переместились из спецхранов на полки книжных магазинов, на страницы «Нового мира». И тогда образованные советские люди увидели, что практически вся интеллектуальная, культурная элита России не приняла ленинский Октябрь, восприняла все произошедшее, и прежде всего победу большевиков, как национальную катастрофу, а созданный ими строй как уродство, как нечто противоестественное, противное не только здравому смыслу, но и природе человека. «Окаянные дни» Ивана Бунина, «Несвоевременные мысли» Максима Горького, «Петербург-

ские дневники 1914–1919 годов» Зинаиды Гиппиус, «Дневник 1917–1921. Письма» Владимира Короленко, «Очерки великой смуты» Антона Деникина, «Маска и душа» Федора Шаляпина. И, может быть, самое главное – размышления о революции, об античеловеческой сути большевизма Николая Бердяева, Семена Франка, Петра Струве, Георгия Федотова, Федора Степуна. И ничего, абсолютно ничего не осталось в сознании читающей, думающей советской интеллигенции от скреп марксистско-ленинской идеологии, от того образа русской истории и образа социалистического строя, который десятилетиями внедрялся государственной пропагандой, учебниками истории КПСС.

Оказалось, что истина и правда у тех, кто был под запретом, кто, как Николай Бердяев, утверждал, что «коммунизм есть борьба против духа и духовной жизни», что «его моральные последствия более ужасны, чем последствия государственные, правовые и экономические, они будут длительные». Самое страшное состоит в том, писал Николай Бердяев, что русские люди вместе с привычкой к советскому строю «привыкают к рабству, им более не нужна свобода, они предали свободу духа за внешние блага. Черное чувство зависти становится определяющей силой мира».²⁸ И самое важное случилось, когда люди поняли: ничего более ужасного, чем советский тоталитаризм, советская система подавления

²⁸ Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. – М., Канон, 2002. – С. 279–280.

прав и свобод личности, в истории Европы не было. Это оказалось для многих страшной правдой, взорвало фундамент веры в то, что советский человек является самым свободным человеком в мире. Во всех этих воспоминаниях о революции и о первых годах советской власти рефреном звучала мысль Семена Франка, что «никогда не было такого общества, в котором бы вся жизнь личности была бы так нераздельно подчинена государству», что «до русского коммунизма во всемирной истории не было такого деспотизма, который, с одной стороны, втягивал всю жизнь подданных в орбиту своей власти и пытался по общим принципам регулировать ее».²⁹

Ни Горбачев, ни его ближайшее окружение, кроме разве что Александра Яковлева, не понимали, что их политика гласности, вернувшая советскому, русскому человеку все богатейшее наследие русской общественной мысли, была не реализацией идеалов пражской мечты, попытки Дубчека и его окружения соединить советскую модель социализма с демократией и Правдой, а реализацией мечты, надежды подавляющей части российской интеллигенции, цвета российской нации на то, что Правда в конце концов вернется к русскому народу, и, самое главное, освободит русский народ от советской власти. Тем более, как доказывал в своих статьях о сущности русского мировоззрения тот же Семен Франк, на самом деле «как таковой коммунизм», учение о централизованной организации всей общественной жизни на осно-

²⁹ Франк С. Л. Русское мировоззрение. – Спб, Наука, 1996. – С. 139–140.

ве обобществленных средств производства «фактически не имеет никаких национально-исторических корней в русской народной жизни и в русском понимании».³⁰ В то же время, настаивал Семен Франк, либеральная идея, идея свободы как порождение христианства будет в конце концов ближе русскому человеку, который ненавидел все формы самодержавия. Не могу здесь, в самом начале книги, не сказать, что все выдающиеся русские мыслители начала XX века (потом, после 1922 года – «русские мыслители в изгнании»), подобно Семену Франку, считали, что идея коммунизма как идея общественного труда в национальном масштабе была чужда русской психологии и русскому национальному характеру.

Семен Франк задолго до перестройки Горбачева видел, что рано или поздно русский человек поймет: советская система на самом деле является новой формой ненавистного ему самодержавия и ненавистной ему крепостной зависимости. До сегодняшнего дня многие у нас в России не понимают (речь идет прежде всего о критиках перестройки Горбачева, о которых я говорил во Введении), что на самом деле коммунистическая идея в том виде, в каком она выражена в учении Карла Маркса, не имеет ничего общего с христианством. Выводить «советский строй» вместе с его колхозами, как это делает, к примеру, протоиерей Чаплин, из христианского идеала может только человек, не имеющий никаких представлений ни о сути христианства, ни о сути учения о

³⁰ Франк С. Л. Русское мировоззрение. С. 142.

коммунизме. Я в данном случае имею в виду замечание Всеволода Чаплина и Александра Рудакова, высказанное ими в статье «О Боге, человеке и цивилизации. России нужно единство “правого” и “левого”. Ответ Александру Ципко», что «даже столь нелюбимые господином Ципко колхозы, при всех ужасах коллективизации, не были бы приняты людьми, если бы их идея не отражала христианского идеала». Ничего, кроме второго издания русского крепостничества, за колхозом не стояло. Это, кстати, признавал и сам Сталин. Только путем внеэкономического принуждения к труду на земле можно было выстоять в условиях противостояния с враждебным, капиталистическим Западом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.